

Фридрих
НЕЗНАНСКИЙ

Договор
с дьяволом

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Договор с дьяволом

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Договор с дьяволом / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

По неизвестной причине кончает жизнь самоубийством генеральный директор крупного оборонного предприятия. Сгорает в автокатастрофе главный конструктор по вооружению. А на Севере, во время учений флота, гибнет атомная подводная лодка. Эти трагические события ничем не связаны между собой. Но «важняк» Турецкий, которому поручено расследование, считает иначе...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	24
Глава четвертая	35
Глава пятая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Фридрих Незнанский

Договор с дьяволом

Часть первая

А кто приобретет грех, тот приобретет его против самого себя.
Коран (4:III)

Глава первая

КУРОРТНЫЙ РОМАН

Как большинство событий подобного рода, и это имело свое начало и свои последствия...

Очень яркую женщину с вызывающе-притягательной внешностью первым заметил Александр Борисович Турецкий, когда они с Вячеславом Ивановичем Грязновым стояли поодаль от девятого вагона СВ и курили по последней. Предотъездные рюмочки были уже приняты на грудь, говорить, собственно, тоже было не о чем, поэтому просто тянули время. Даже обсуждать неожиданную милость министра внутренних дел больше не хотелось. Вячеслава, который отродясь не гужевался ни на каких курортах, а отпуска старался проводить исключительно на освежающих душу рыбалках, после одного из высоких совещаний министр вдруг остановил вопросом: как самочувствие? Непонятно, что тот имел в виду: может, состояние здоровья, от качества которого чаще всего зависят служебные перспективы? Вячеслав бодро ответил, что не жалуется, да полвека и не тот возраст, на проблемы которого надо отвлекаться. Посмеялись, а министр имел в виду совсем, оказывается, другое. Он сам только что вернулся из краткого отпуска, был в Кисловодске и теперь на все лады и при каждом удобном случае расхваливал целебные воды. И, узнав, что Грязнов там никогда не бывал, настоятельно посоветовал прямо немедленно оформить двухнедельный отпуск и отправиться на Северный Кавказ. «Другим человеком вернетесь!» А жулики — они никуда не денутся. Кстати, и к МУРу у него никаких особых претензий нету. Короче, уговорил.

Вячеслав и сам понимал, что воз, который он добросовестно тянет, год от года становится тяжелее. А потом, ведь и печень, и почки неплохо бы промыть от участвовавших в последнее время возлияний. Морщился уже, бывало, Вячеслав Иванович по утрам, потирая бока. Однако он не привык жаловаться на нездоровье, да и некому, в сущности. Племяннику Денису? Тот даже обрадуется. Скажет, давай, дядька, бросай свой МУР и возвращайся консультантом в родную «Глорию». У тебя ж опыт! Ну да, весь мир на ладони...

Саня, может, и поймет, но обязательно предложит лечить подобное подобным. По заветам мудрецов. А так ведь и спиться недолго.

Словом, выдалась пара недель относительного затишья, а кадры расстарались, выдали путевку в бывший то ли правительственный, то ли цеховский санаторий, куда прежде простые смертные даже и не мечтали сунуться...

Так вот, Александр первым и обратил внимание на совершенно роскошную блондинку — высокую, крутобедрую, со щедрым бюстом и манящей туманной поволокой в голубых глазах.

— Гля, Славка, какая фемина! — жарко зашептал Турецкий, толкая Грязнова в плечо и указывая глазами в направлении красавицы, лениво курившей длинную черную сигарету «More», в то время как живописный черноголовый кавалер явно кавказского разлива, склонясь к ее плечу, что-то темпераментно нашептывал на ухо. Может быть, даже и не совсем при-

стойное, поскольку женщина поглядывала на него с иронией, слегка отстраняя голову с золотистой гривой, вольно распущенной по блестящему черному плащу.

Накрапывал дождичек. Но плащ на женщине был скорее не по погоде, а из кокетства — для того, чтобы еще выгоднее подчеркнуть ее полноватые, сильные ноги, открытые по моде выше середины бедер. Действительно, было на что смотреть...

— Ну вот тебе и попутчица, — продолжал полушепотом дразнить Турецкий, подмигивая, словно заговорщик, и молодецки поводя при этом широкими своими плечами с генеральскими звездочками на погонах. Был он сегодня по какому-то случаю в мундире, который, надо отметить, сидел на нем просто отлично. — Слушай, старик, да ведь она точно в твоём вкусе! Помнится, если я не ошибаюсь...

— Не бреди навеки раненную душу! — тихо прорычал Грязнов. — А если ты такой нетерпеливый, давай поменяемся ролями. Ты вали в Кисловодск, а я уж как-нибудь на Селигере устроюсь, рыбки свежей хочется...

Шутил Славка. Александр видел, как и у него вспыхнули глаза. И было отчего. Поэтому Турецкий печально вздохнул:

— С такой бабой, Славка, я бы не против, но... Ты хоть не промахнись. Потом расскажешь.

— Да ну, было б о чем, — вдруг будто закапризничал Грязнов, не отрывая, однако, взгляда от чудо-женщины, откровенно купающейся в волнах плотоядной мужской зависти. — Эвон у нее спутник-то какой.

— А он не едет, — авторитетно заявил Турецкий. — Иначе б они уже давно уединились в купе. Лично я поступил бы только так... И что это, право, за обычай? Как только тебе приглянется какая-нибудь толковая баба, обязательно возле нее ошивается такой вот орел с кавказского бугра! Не везет нам, россиянам...

— Тут ведь, Саня, не столько страстью, сколько толстым «лопатником» пахнет, — засмеялся Грязнов. — А блядь — она и на Марсе блядь. Не говоря о Кисловодске. И никто из нас даже предугадать не может, насколько мы бываем недалеко от истины. Ну ладно, пора трогаться.

Они пожали друг другу руки, поощрительно похлопали по плечам, и Грязнов ушел в вагон. Турецкий еще короткое время помыкался возле окна купе, делая руками многозначительные, вероятно, но не понятные знаки, скорее всего продолжая давать советы. Наконец закурил новую сигарету, махнул рукой и ушел. А поезд тронулся.

Только теперь обратил внимание Грязнов на большую дорожную сумку с многочисленными молниями, стоящую на полу под столиком. На ручке ее болталась бирка, какие обычно вешают на багаж иностранных туристов. Вячеслав нагнулся и прочитал. Красивой латинской вязью было выведено: «Nolina A. V.». Батюшки, оказывается, мы едем с дамой! А чем черт не шутит?..

На дальнейшие размышления не хватило времени, потому что в открытую дверь купе вошла та самая блондинка и с интересом уставилась на Грязнова, склонившего свою рыжеватую седую голову над биркой.

— Надо полагать, — с иронией произнесла она, — что мы уже начали знакомиться? Ну что ж, продолжим. Меня зовут Ангелина, можно Лина. А вы кто?

— Можно Слава. Вячеслав, — учтиво поправился Грязнов, поднимаясь и предлагая даме войти в купе.

Однако, подумал тут же, тесноватое купе, хоть и СВ, будь оно неладно. Крупная дамочка. Он явно забыл, что и сам был далеко не из мелких по сложению, да и рост не подвел, разве что на палец пониже ее. Но тут же успокоил себя — она была на высоченных каблуках, и значит, все в норме.

— Помогите же мне, — уже настойчиво заявила она, поворачиваясь к Грязнову спиной и раскидывая руки, чтобы он помог ей снять плащ — шуршащий и влажный. При этом Вячеслав, естественно, не мог не вдохнуть терпкий запах ее духов. Чуть подтянув тесную юбку, хотя казалось, что выше уже просто опасно, Лина уселась напротив Грязнова, демонстративно-небрежно закинула ногу на ногу и сказала: — Давайте потом закроем купе и будем курить здесь, ага? Терпеть не могу шляться в тамбуры. Вот билеты отдадим и — ага?

Очень мило и непосредственно у нее это получилось, как же было немедленно не согласиться?

И уже через минуту между ними завязался непринужденный дорожный разговор, абсолютно ни к чему не обязывающий: о погоде, которая вдруг взяла и испортилась, о том, что в Минеральных Водах, куда Лина держит путь, вероятно, всегда солнечно, что поезд этот в принципе ничего, но уж больно рано приходит, и о прочем, о чем говорят, когда говорить еще пока, в сущности, нечего, более тесный контакт не состоялся.

Наконец закончились и вагонные формальности. Удалилась почему-то подозрительно поглядевшая на них пожилая проводница. Лина спросила, не желает ли он переодеться, как это обычно делают в дороге. Грязнов кивнул и полез в сумку за спортивным костюмом. Лина вежливо вышла из купе, прикрыв за собой дверь. Через минуту он предложил ей сделать то же самое. А когда женщина открыла дверь, приглашая войти, Вячеслав был даже слегка ошарашен. Ее спортивная одежда была явно предназначена для того, чтобы пленять и смущать мужчин, подчеркивая несомненные достоинства ухоженного тела.

Проследив за его взглядом, Лина заметила с иронической улыбкой:

— Ей-богу, не стоит прикидывать. У меня нет комплексов, и я совсем не возражаю против некоторых дорожных приключений, но терпеть не могу навязчивости, понимаете, Слава?

— Очень понимаю, — чувствуя неловкость от столь откровенных признаний, согласился он.

— Ну и прекрасно, — кивнула она, — всему свое время. Ну так расскажите-ка мне лучше, что вы там болтали про меня с вашим генералом?

— Мы?! — сделал большие глаза Грязнов.

— Ну не надо, я же видела, как вы глазели! Или это по поводу моего спутника?

— Симпатичный мужик, — пожал плечами Грязнов. — Но вы, Лина, выглядели настоящей царицей! Как же не обратить внимания? Вот Саня и сказал: не теряйся, будешь большой дурак, если не познакомишься. Дама точь-в-точь в твоём вкусе! Но я, честно, даже и в мыслях не имел...

— Да-а? — удивленно протянула она. — Жаль!

Понятное дело: она привыкла всегда себя видеть в центре всеобщего внимания и какие-то сомнения на свой счет считала просто оскорбительными. Чрезвычайно любопытная женщина...

Так продолжали они мило болтать, ловко скользя, как говорится, по самому краешку, но не переходя грани пристойного. И Грязнов узнал, что Лина, оказывается, совсем не то, что имели они с Турецким в виду, обсуждая сущность этой блондинки, а вовсе наоборот. Была Ангелина Васильевна Нолина — если именовать полностью — заместителем директора НИИ по связям с общественностью, как того требует время. И совсем никого не касалось, что сам научно-исследовательский институт еще недавно имел не название, а номер. Словом, закрытая контора, связанная с оборонкой. И данная поездка Лины — не отдых на водах, а командировка к смежникам, чье предприятие находится в Нальчике. Но, впрочем, как ей кажется, одно не помешает другому, то есть работу и отдых можно будет вполне соединить.

Что по этому поводу думает Вячеслав Иванович? А он пока что услышал в речах дамы неприкрытое обещание. Поскольку в роли спутника он, видимо, не вызывал у нее отвращения,

даже напротив. И Грязнов подумал, что завязывается небольшой курортный роман, а почему бы и нет? Очень приятная, но необременяющая связь — что может быть лучше на отдыхе!

Но коли это так, тогда какого черта тянуть? Отчего нужно подчиняться формуле — «всему свое время»? Намеки, конечно, намеками, однако даже самая отпетая дурища давно догадалась бы, что бездарно упущенное время — величайшая ошибка, да и трагедия человечества. А эта же словно не понимала, она так и лучилась доброжелательностью, кокетством, совершая при этом такие телодвижения, что Грязнов вдруг с отвращением заметил, что у него вспотели ладони. И чтобы скрыть теперь свое отчаянное смущение и перейти хоть к какому-нибудь делу, он предложил выпить. Ну а чем же еще заниматься в дороге? Предложение было тут же с удовольствием принято, и Лина полезла за своей сумкой, которую Грязнов по ее просьбе поставил наверх, в багажное отделение. Она встала на диван и, открыв сумку, начала в ней копать. Вячеслав же мог бы поклясться, что с ее стороны это было самым откровенным издевательством. Над всем разумным. И неразумным тоже.

Почувствовав на себе его напряженный взгляд, женщина обернулась и предложила с милой улыбкой:

— Помогите же!

Он понял по-своему. Поднялся и крепко обхватил ее напрягшиеся бедра. Она засмеялась:

— Это не совсем то, но уж ладно, держите крепче, а то упаду!

Никуда она не упала, зато вытащила наконец из сумки пакет с провизией и передала Грязнову. Он помог сойти на пол. Уселись друг напротив друга. Вячеслав откупорил коньяк, а Лина развернула сверток с многочисленными и разнообразными бутербродами. Пили из вагонных чашек.

— Расскажите о себе, Слава?

Не видя особой необходимости называть свою должность, Вячеслав представился сыщиком из уголовного розыска, есть, мол, такая непыльная работенка...

— А вы знаете, — прямо надо сказать, невежливо перебила она, — я не люблю ничего скороспелого.

— Это в каком смысле? — Он даже опешил: гениальное свойство — плевать на все и думать только о своем.

— Ну, к примеру, как вы меня за бока, извините, ухватили. Прямо горячо сделалось, ага! Но смотрите сами, — она кивнула в окно, — там же совсем еще светло! А разве наша противная проводница упустит шанс испортить настроение и заглянуть обязательно не вовремя? Вы понимаете? И потом, любовью надо заниматься, когда этого хотят не только глаза и руки, я верно рассуждаю?

— Я смотрю, у вас имеется теория на этот счет! — восхитился Грязнов. — И как, часто помогает в жизни?

— А вы сами скоро убедитесь. Наливайте пока...

При иных обстоятельствах у Грязнова наверняка возникло бы подозрение, что все происходящее — не просто так. Уж больно это смахивает на какую-то непонятную провокацию. Но ничего криминального за собой на данный момент даже в шутку начальник МУРа не видел, следовательно, и какие-то подставки были бессмысленны. Разве что сам факт прелюбодеяния? Но ведь он — неженатый, так какие вопросы?.. Смушал, правда, несколько тот черноголовый спутник. Может, чечня собиралась его таким вот образом взять на горячем? И устроить хай по этому поводу? Да нет, вряд ли, все-таки скорее всего — обычное дорожное приключение. Однако о спутнике все же спросил. Лина открыто рассмеялась:

— А я все ждала, когда ж вы наконец про него спросите! Можете не волноваться, Слава, он из нашего института и через два-три дня тоже подьедет в Нальчик. Так что, извините, сослужу

живец, не больше! Но неужели вы ревнуете?! Боже, как это мило с вашей стороны! Вы действительно достойны награды, ага!

Наградой она считала, разумеется, себя. Потрясающая баба! И в самом деле никаких комплексов. Ну тогда, может быть, не стоит торопить события? И Грязнов легко перевел непринужденную болтовню в область двусмысленных и игривых анекдотов, до коих большим любителем был Турецкий. А сейчас пришлось поднапрячь память. Тем более что и дорожная ситуация оказалось подходящей.

— Грузин и дэвушка едут в одном купе, — начал он, форсируя акцент. — Она, понимаешь, кнугу читает! А он, бэдный, сгорает от страсти. Наконец не выдерживает: «Дэвушка! Зачём молчишь?» Та отвечает: «Хочу и молчу». — «Совсэм с ума сошла, да? Хочет и — молчит?!»

Даже если Лине и был известен этот старый, бородатый анекдот, то она проявила высокий артистизм: хохотала как сумасшедшая, всплескивая роскошными обнаженными руками, а грудь ее призывно колыхалась и ноги... нет, на ноги ее было опасно смотреть!

Выступление в роли грузина было настолько удачным и, как оказалось, своевременным, что сердце красавицы не выдержало. Полетели к черту все ее теории, уступив место стремительной практике. И купе оказалось не таким уж и тесным, если применить чуток изобретательности. Они и сами не заметили, как спустилась ночь и поезд постепенно затихал, отходя ко сну...

Давно уже Вячеслав Иванович не испытывал подобного удовольствия. Награда была что надо. И к тому моменту, когда его сморил сон, он понял важную вещь: Ангелина не принадлежала к тому разряду женщин, для которых секс есть средство поддержания жизни. Для нее секс являлся естественной и, вероятно, единственной формой существования вообще.

Довольная произведенным эффектом, она призналась, что когда-то, может быть в ранней юности, на нее произвел просто потрясающее впечатление прочитанный втайне от родителей рассказ, кажется Куприна, об одной учительнице гимназии, которая имела в обществе прочную репутацию высоконравственной и глубоко порядочной зануды, синего чулка, а по ночам... о, какие сумасшедшие оргии устраивала она, опытным глазом выбирая в толпе прохожих единственно нужного себе партнера! Лине, отлично знавшей собственные достоинства и умевшей в совершенстве ими пользоваться, искать кого-то не надо было, она позволяла себе выбирать. Чем, собственно, и занималась в жизни. Имея при этом мужа вдвое старше себя, настоящего научного червя, все необходимые средства для нормального существования и кучу жаждущих невероятных впечатлений поклонников. А что еще требуется?

Вполне логично, вынужден был признать вконец опустошенный Грязнов. И сон его был чистым и прохладным, будто возлежал он на палубе яхты, окруженный со всех сторон безбрежной лазурью, и ленивая волна медленно покачивала его...

Так же в полусне, прерываемом яркими вспышками страсти, инициатором которых была Лина, прошел и весь следующий день. Грязнову лишь раз пришлось одеться, чтобы на какой-то станции выйти из вагона и купить пива: даме неожиданно захотелось чего-то примитивно простого, под соленую рыбешку. И желания разговаривать о чем-то тоже не возникало, да и зачем, если все, что требовалось, объясняли жесты и взгляды. А в купе стоял обволакивающий туман, в котором витали запахи терпких духов, кисловатого пива и табачного дыма: вентилятор с трудом справлялся со своими прямыми обязанностями. Одним словом, если когда-либо и возникало у Вячеслава Ивановича желание подкрепить несколько угасающие силы организма с помощью богатырского напитка Кавказа — холодного углекислого нарзана, то у него теперь появились для этого все необходимые предпосылки. Ибо следующая вагонная ночь не то чтобы доконала его, но во всяком случае заставила принять важное для себя решение: воспользоваться представленным случаем и прекратить пить, курить и, по возможности, общаться с пре-

красным полом. И — нарзан! Много нарзана!.. Впрочем, теперь, уже явно в последний раз, так и быть, придется уступить настойчивому желанию дамы. Ну ладно, и еще раз... Как, снова?!

Расстались они на перроне Минеральных Вод невыспавшиеся, утомленные, но крайне довольные друг другом. Ага? Ага! И никаких условий и обещаний дальнейших встреч и свиданий. Тем более что Лина заранее попросила ни в коем случае не провожать ее, найдутся и встречающие, и провожатые — так надо было понимать. Поэтому прощальный долгий поцелуй состоялся еще в купе при закрытых дверях. После чего Вячеслав подхватил свою сумку и пошел на выход. Лина не торопилась.

У вагона Грязнова приветствовал милицейский полковник, из чего Вячеслав сделал вывод: друзья уже звонили сюда. И оказался прав. Полковник Горюнов был начальником Кисловодского городского управления внутренних дел, и его «Волга» ожидала на привокзальной площади.

Покидая перрон, Грязнов невольно обернулся и вздохнул — не от приятных впечатлений, уже перешедших в разряд воспоминаний, а скорее от сожаления, что новая встреча больше никогда не состоится.

Как заметил один современный классик, абсолютно счастливым может быть только полный дурак. Не потому что он ничего не делает, не производя на свет ни материальных, ни духовных ценностей и оттого не ошибаясь, а потому что ему и в самом деле ничего не надо — это ли не счастье! Грязнов же, по собственному разумению, верша в служебное время высшую справедливость, создавал тем самым некоторые духовные ценности или защищал материальные, однако при этом он, случалось, ошибался и в людях, и в своих предчувствиях. А значит, и полное счастье ему не светило. Хотя все, казалось, могло располагать к тому.

Шикарный Курзал с его парком и променадом, Нарзанная галерея и даже Замок Коварства и Любви — все это, ослепленное яростным солнцем, дышало, стонало и вопило соблазном. Окунувшийся с головой в целительный нарзан, Грязнов начинал сожалеть о данном самому себе слове — трех «не»...

По словам же другого классика, запечатлевшего историческую мысль: «Вода не утоляет жажды. Я знаю: пил ее однажды», — истинное утоление могло базироваться лишь на категорическом отрицании всех этих пресловутых «не». Однако Грязнов стойчески держался. Сколько мог. Он и какие-то процедуры принимал, по сути навязанные ему министерским руководством. Жил он в прекрасном номере бывшего элитного партийного санатория, но времена строгих советских нравов давно прошли, и публика, населявшая некогда недоступные простому люду апартаменты, вела себя сообразно собственным понятиям об отдыхе и дисциплине.

Грязнов держался, участвуя тем не менее во всевозможных экскурсиях по историческим и заповедным местам Кавказских Минеральных Вод. Ему непросто было сдерживать свою общительную и широкую натуру в присутствии обильных естеством и шальными идеями, утомленных отдыхом женщин, имевших на бравого начальника МУРа — здесь тайны сохранить не представлялось возможным — совершенно откровенные виды. Курорт, он всегда этим и отличался.

И вот когда данное себе «слово» превратилось окончательно в тяжкие вериги, в непосильный груз, подвешенный, кстати, на почти невидимой глазу паутинке, судьба-злодейка подкинула Вячеславу Ивановичу очередное испытание.

В центре Курзала, в кишашей толпе, он буквально носом к носу столкнулся со своей вагонной попугачей. Позже Лина объяснила это обстоятельство следующим образом: они не искали друг друга, но по закону притяжения просто не могли не встретиться. И последовавшая затем короткая, но пламенная разгрузка в номере Грязнова подтвердила, что их обоюдная страсть от краткой разлуки не только не угасла, но напротив, приобрела своеобразную остроту. Все произошло настолько стремительно, что Грязнов и не подумал таиться от местного персо-

нала. Да и какие днем проблемы? Встретил знакомую москвичку, посидели, поболтали. Но это — днем! А Лина, похоже, уже настроилась на продолжение. И у нее в связи с этим возникла идея: оказывается, она еще не была в ресторане «Замок», над которым, по местным слухам, постоянно витали знаменитые Коварство и Любовь.

Грязнов успел с экскурсией посетить это заведение — с огромным камином, уютно расставленными столами и чудесными видами из окон. Один минус: в этом сработанном под старину «Замке» постоянно толчется грузинская публика. Черноголовые рослые парни и сидящие солидные мужчины, торгующие в Кисловодске всеми дарами родных гор, но главным образом, цветами и фруктами, прямо-таки донимали отдыхающих женщин своим навязчивым и бесконечным застольем. И такой яркой женщине, как Лина, было просто опасно находиться долго на виду у этой торговой мафии, напоминающей стаю голодных шакалов, которая при виде желанной добычи может потерять и осторожность, и вообще разум.

Поэтому, прежде чем согласиться исполнить каприз дамы, Вячеслав Иванович позвонил полковнику Горюнову и посоветовался, как быть. Тот посмеялся, сказав, что здесь больше мифов, хотя в принципе возможен любой инцидент. Он продиктовал телефонный номер и добавил, что человек, находящийся на этом номере, лично от него получит все необходимые инструкции — на крайний случай. А дама — тоже москвичка? — пусть не пугается, все будет в лучшем виде. С этим и отправились за восемь километров от Кисловодска, в ущелье, над которым гордо высился Замок.

Обстановка здесь была почти семейной, поскольку большинство присутствующих знало друг друга. И появление «новичков» вызвало тут же напряженное внимание. Причем главной фигурой здесь, естественно, была Лина. Грязнов мог спокойно отойти в тень.

Некоторое время в зале длилось как бы замешательство. Вероятно, мужчины никак не могли решить, кому сегодня должна принадлежать эта женщина. А то, что «должна принадлежать», похоже, даже не дискутировалось, вопрос в другом — кому?

Выбрав момент, Грязнов подошел к стойке баре и обратился к скучающему белобрысому бармену:

— Вы — Андрей? Мне Горюнов сказал.

— Да, здравствуйте, что вам подать?

— Я вот чувствую, что нам сегодня спокойно поужинать не дадут. Поэтому я попрошу вас, Андрей, позвонить вот по этому номеру, — Грязнов протянул ему клочок бумаги, — и сказать, что Грязнов — это я — желает уехать. Договорились?

— Как скажете, — понимающе улыбнулся бармен.

— Я кивну.

Вернувшись к столу, Вячеслав Иванович увидел, что на его месте уже сидит один из «горных орлов» и что-то очень настойчиво втолковывает расслабившейся от выпитого шампанского Лине. Грязнов положил свою тяжелую ладонь парню на плечо и, когда тот поднял к нему выпуклые свои глаза, в которых читалось: «Слушай, ты кто такой? Зачем мешаешь?» — сказал:

— Извини, любезный, это мое место... Не понимаешь? Надо повторить? — и слегка сжал плечо.

Парень невольно скользнул вниз, но тут же поднялся и обратился к Лине:

— Подумай, пожалуйста, над моими словами! — И повернувшись к Грязнову, добавил: — Я все понял, извини, уважаемый. — После чего быстро ушел в глубину зала.

— Чего он хотел? — небрежно спросил Вячеслав.

— А чего вы все хотите от бабы? — усмехнулась она с каким-то недобрый выражением. — Ты, кажется, был прав, не стоило сюда приезжать. Тогда, может, пойдем? Есть уже не хочется, а выпить мы можем где угодно.

— Как скажешь...

Грязнов жестом показал официанту, чтоб тот подошел и подбил счет. Тот кивнул и исчез. А через какую-то минуту Вячеслав понял, что исчез тот не зря, видно, успел получить соответствующее указание от кого-то из сидящих в зале.

Между тем за одним из столов началось непонятное движение. Откуда-то появился мужчина с огромным букетом желтых роз. Он почтительно склонился над тем столом, выслушал указание и направился к Лине. Официант же тем временем тащил большую керамическую вазу, которую и водрузил на стол Грязнова. Подошедший человек с букетом сделал поклон и заявил, что эти скромные цветы — знак огромного удовольствия, которое прекрасная незнакомка доставила своим присутствием. И воткнул букет в вазу. Раздались аплодисменты.

— Благодарю, — сухо кивнул ему Грязнов и повернулся к официанту: — Счет, пожалуйста, мы уезжаем.

— Нет! — тут же завопил, как зарезанный, экспансивный «цветочник». — Нельзя! Мы сейчас все до одного будем пить за здоровье и красоту этой восхитительной женщины! Все! По очереди! Пока не упадем! Ты не можешь увести ее от нас!

Грязнов почувствовал на себе давление напряженных глаз всех мужчин в зале.

— Ну пусть разок выпьют, — попросила Лина, приветливо, но с опаской улыбнувшись «цветочнику», — так уж и быть...

И тот в восторге что-то по-грузински прокричал в зал. И снова вспыхнули аплодисменты, переходящие в овацию. Кто-то поднялся с бокалом в руке. А те, в глубине зала, как по команде, вскочили и, подхватив свой стол, дружно пронесли его и приставили вплотную к столу Грязнова. Причем проделано это было настолько стремительно и ловко, что Вячеслав и уследить не успел, как уже был отрезан от Лины, оказавшейся в тесном кольце восторженных и далеко не трезвых «орлов».

Самое время, решил Грязнов и, приподнявшись, кивнул бармену. Тот улыбнулся и ушел от стойки.

К Лине тянулись руки с бокалами, а кто-то совсем решительный лил в ее бокал коньяк — до краев. Вячеслав взял свой бокал, наполнил его шампанским и, обойдя сидящего к нему спиной парня, спокойно забрал у Лины бокал с коньяком, заменив своим — с шампанским.

— Ты зачем?! — вскричал разгневанный молодец.

— Разве она — твоя жена, что ты так кричишь? — спросил у него Грязнов и, взяв свободный стул, уселся возле Лины. — Я думаю, что всякому гостеприимству есть предел, уважаемые.

— У нас нет предела! — воскликнул все тот же молодец.

— Ах, значит, беспредел? Но тогда и разговор другой!

— Вах! Не слушай его, генацвале! — поднялся крепкий мужик средних лет с золотыми перстнями на пальцах. — Извини его. Он немного выпил для своего удовольствия и запутался. Разрешите, уважаемый, мне, как старшему, хорошее слово сказать?

— Прошу. — Грязнов сделал приглашающий жест.

— Легенда гласит: когда в одинокий замок случайно залетает золотая птица, великий грех тому джигиту, который наострит свою стрелу...

Грязнов слушал кавказский экспромт вполуха. Пусть говорит. Пусть все говорят. Они, пока болтают, не опасны. Они сейчас как павлины будут распускать свои хвосты не столько даже перед самкой, сколько друг перед другом. А часы тем временем тикают.

Ораторы вскакивали один за другим. Недружелюбно поглядывая на Грязнова, они, изнывая уже от похоти, глазели на Лину. А она, сообразив, что выказывать какое-либо предпочтение сейчас очень опасно, с улыбкой кивала каждому новому оратору, понемногу отхлебывая из своего бокала.

Кульминация наступила, как всегда, неожиданно.

В зал вошел милицейский капитан, а за ним проследовали, но остановились в дверях двое автоматчиков. Грязнов обернулся, и капитан увидел его. Четко подошел, вскинул ладонь к козырьку фуражки:

— Товарищ генерал, разрешите обратиться?

— Обращайтесь, — спокойно кивнул Грязнов.

— Товарищ генерал, полковник Горюнов прислал за вами с супругой свою машину. Охрана со мной.

— Вижу. Благодарю за службу. Сейчас, капитан...

Грязнов поднялся, взял бокал с коньяком и сделал знак «внимание», но все за столом и так молчали.

— Здесь говорили красивые и благородные слова, которые можно отнести в адрес любых женщин, особенно таких замечательных, как ваши матери, жены, сестры, дочери, подруги наконец. За них я и поднимаю этот бокал. И пусть они будут всегда самым лучшим украшением Кавказа! — Грязнов медленно, словно смакуя, осушил полный бокал до дна, перевернул его, потом поставил и добавил: — А ваше уважение нам очень приятно. И на память о вас, уважаемые, моя дорогая супруга конечно же с удовольствием примет этот замечательный букет. — Грязнов бесцеремонно вытащил розы из вазы и взял Лину под локоть. — Пойдем, дорогая, нас ждут. Извините, друзья, служба зовет!..

Ушли в полной тишине.

У входа в ресторан стояла «Волга» начальника с горящими на крыше проблесковыми огнями. Капитан открыл заднюю дверцу, пригласил садиться.

— Спасибо, — сказал Грязнов. — Как звать-то?

— Сергей, — ответил капитан и добавил после паузы: — Громыхало.

— Ну ты даешь! — восхитился Грязнов. — Еще раз спасибо, капитан.

Он сел в машину следом за Линой и приложил палец к губам, потому что заметил, что она готова разрыдаться от хохота. Но волю своим чувствам она дала, лишь когда они подъехали к санаторию. Водитель высадил их у арки ворот, попрощался и укатил.

— Какая же я дура! — воскликнула наконец Лина. — Ведь должна же была догадаться!

— О чем?

— Господи, тебя ж генерал провожал! — не унималась она. — Так кто же ты на самом деле, о муж мой неожиданный? И вообще, что ты теперь собираешься делать со своей случайной супругой?

— Решим, — спокойно ответил Грязнов, а на душе у него немного скребли кошки: в самом деле, как быть? Это ж не Москва.

— А ты и вправду генерал? Или это вы меня просто разыгрываете?

— Сама-то как бы хотела?

— Конечно, генерала! Ты у меня тогда первый в жизни!

— Договоримся, — лаконично ответил Грязнов.

— Но как теперь быть с широким кавказским гостеприимством? — спросила Лина, обнимая букетище роз. — Их ведь тоже надо куда-то приспособить на ночь. Иначе загнутся.

Грязнов вовремя вспомнил старый Санин анекдот. Про новых русских. Один жалуется другому, что лечащий врач категорически запретил ему пить. «А ты ему башлей отстегни, — советует второй. — Я своему штуку баксов сунул, так он мне тут же все разрешил!»

Смех-то смехом, но это и был единственно возможный на сегодня вариант. В санатории было уже темно, народ в большинстве спал, все-таки уважая режим, и лишь немногие грудлись в темных гостиных у телевизоров. Бдел и дежурный швейцар, или охранник, хрен его разберет. И он буквально с двух слов понял Грязнова, особенно когда в его пальцах зашуршала пятидесятидолларовая купюра. Большого этот страж, решил про себя Вячеслав Иванович, и не стоил. И угадал...

В эту короткую летнюю ночь повторилось многое из того, что ими обоими было уже с успехом пройдено. То, да не совсем, взახлеб повторяла Лина, демонстрируя чудеса акробатики, ибо все теперь происходило, как она выразилась, на генеральском уровне. С генеральским уклоном.

Под утро она вдруг заявила:

— Не-а, а я бы все-таки не смогла стать твоей женой.

— Почему? — И вопрос был тоже интересным.

— Дурачок, да потому, что никакая жена не будет испытывать того, что я с тобой. И вообще, гораздо интереснее быть любовницей.

Грязнов не сразу оценил сказанное. А потом подумал, что эта великолепная стервоза абсолютно права: курортные романы тем и прекрасны, что часто бывают бурными, зато, как правило, не имеют продолжения. А значит, ни к чему и не обязывают...

Она настойчиво просила не провожать ее. Грязнов сделал вид, что согласился, хотя и очень неохотно. Однако любопытство было сильнее. Тем более что и наблюдать можно было издали: букет желтых роз выглядел отличным маяком.

На площади у Курзала Ангелину встречали. Возле белой «Волги» ее ожидал с заметным нетерпением тот самый черноголовый, с прилизанными волосами, будто он только что из парикмахерской, парень, который провожал ее в Москве. Надо понимать, сослуживец. Интересно, какая еще работа их ожидает?

Парень чмокнул Лину в щеку, а она, нервно оглянувшись, тут же, следом за букетом, нырнула в «Волгу».

— Вот так! — с легкой грустью подвел итоги Вячеслав Иванович Грязнов, не обращаясь ни к кому конкретно. — Ну что ж. Бог даст, теперь уж точно никогда не свидимся...

Он даже и представить себе не мог, насколько снова ошибался. А пока вынужден был сделать признание: познать женщину до конца — задача, невыполнимая даже для гигантов. И с этой спасительной мыслью он отправился долечивать подорванное здоровье кислыми водами подземных источников...

Глава вторая

НЕПЫЛЬНАЯ РАБОТЕНКА

— Денис, есть шанс подзаработать!

Слова адвоката Юры Гордеева звучали песней. Но Денис Грязнов, практически постоянно, за редкими исключениями, занятый проблемами, как прокормить свое детективное агентство «Глория», не спешил радоваться вместе с приятелем.

— Пропал, что ли, кто-нибудь? — спросил он, прикидывая, кого из своих парней надо будет отозвать из вынужденного отпуска.

— Нет, надо отследить стареющего павиана.

— Господи, а сколько годков-то ему, твоему павиану?

— Полтинник с хвостиком. Но, как говорится, седина в бороду — бес в ребро. Тут, понимаешь, подруга одной моей клиентки обратилась. Дамочка, должен тебе доложить, очень даже вполне.

— А ты разве уже можешь выбирать себе клиенток? — удивился Денис, отлично зная, что дела и у адвоката в последнее время складывались не так чтоб уж и очень.

— Клиентка старая, в смысле давнишняя. Так вот она и посоветовала своей подруге обратиться за помощью ко мне. Ну а я, как всякий благодарный товарищ, а еще и потому, что мне там делать нечего, переадресовываю ее тебе. Впрочем, если ваше агентство перегружено, ты всегда можешь отказаться, позвоню еще кому-нибудь.

— Отзвонить успеешь, объясни, в чем суть?

— Бабе, между прочим, тоже полтинник, но выглядит на десяток лет моложе. В соку девушка, умеет глазками стрелять. Я, честно говоря, не знаю, зачем ей нужно отследить мужа. Одна моя знакомая, еще в юности, в таких случаях, ну когда ей любовник изменял, с ходу заявляла: сейчас найду себе мужика и буду мстить, мстить и мстить! Не знаю, Денис, может, хочет поймать муженька на горячем и вместе с разводом отсудить у него хорошенький куш? И такое бывает.

— А муж этот, павиан-то, кто у нас?

— А он у нас директор какого-то крупного оборонного института, я вообще-то не очень интересовался. Закрытая тематика.

— Оборонный? Да кто ж меня туда пустит?

— А-а! Тут и вопрос! Там, на самом объекте, как я уловил, у нашей дамочки хорошо поставлена агентурная сеть. И уже имеются некоторые кандидатки утешить павианчика. Но сам процесс, по утверждению супруги, оскорбленной до глубины, понимаешь, души, проистекает где-то на стороне. Вот и надо отследить и выяснить. Ты не обижайся, но я, давая адрес «Глории», заметил ей, что ты — крупнейший в стране и тем более в столице спец по этой части. И любовничков выщелкиваешь как семечки.

— Благодарю за рекомендацию, — с чувством произнес Денис и расхохотался. — Да, нам только этого и не хватает.

— Мой тебе совет. Если все же согласишься, то малость покапризничай, надбавь себе цену. Бабочка, видно, не бедная, явилась вся в таких брюликах, что кое-кому мало не покажется. Обычно к нашему брату в таком виде не ходят, напротив, всячески демонстрируют скромность доходов. Дело-то, прямо скажем, щекотливое, я могу и цену заломить. Может, дура, а может, простота наивная. Словом, сам решай. В любом случае процента за клиентку я с тебя не возьму.

— Ну ты нахал, Гордеев! — делано возмутился Денис. — Да я с тобой за такие слова!.. Отныне можешь сам носиться, высунув язык, за своими клиентами! Я лишаю тебя своей помощи.

- Ты уже и шуток не понимаешь? Значит, дела неважные...
- Вот тут ты прав. Ладно. Когда она явится?
- Сперва позвонит, а я обещал ей предварить. Ну, всех благ.
- И тебе тем же концом...

Но женщина явилась без звонка. Денис подумал, что она боялась получить отказ еще по телефону — ну как же, замутил ей мозги адвокат!

Людмила Николаевна Самарина — так было написано на ее визитной карточке — на этот раз облием брюликов не блистала. Наоборот, одета была скромно, хотя и дорого. Одежда, поди, от каких-нибудь знаменитых фирмачей, сидит на фигуре как влитая. Сама невысокая, но видная, во всяком случае мужской взгляд ее не пропустит. Чего же не хватает павиану-то? Или она из феминисток? Или, не дай бог, из этих, из мужефобок?.. Взгляд у нее немного странноватый — быстрый и словно бы подозрительный.

Денис вежливо поднялся навстречу, мягко пожал протянутую руку и отодвинул от стола стул, приглашая сесть. Она опустилась на стул. Не села, как все нормальные люди, а именно опустила свое гордое тело и застыла с выпрямленной спиной, словно какая-нибудь ветхозаветная аристократка.

Но разговор повела прямо, не краснея и не смущаясь, хотя речь, в общем-то, шла о самом банальном адюльтере. И ей в нем отводилась унижительная роль.

А суть дела заключалась в том, что у мужа Людмилы Николаевны завелась любовница. Это уже не подозрения, а реальный факт. Самарина и сама почти полтора десятка лет проработала на «Мосдизеле», так теперь назывались научно-производственное объединение и исследовательский институт, знакома с большинством сотрудников и сотрудниц, отлично информирована о делах и проблемах, тем более что Самарин с начала перестройки и по сей день возглавляет НПО.

Теперь о самом генеральном директоре. Ему пятьдесят три года, он академик РАН, признанный специалист в области морского вооружения. Самарина не стала вдаваться в подробности, но Денис понял, что речь шла, скорее всего, о новых торпедах, сведения о которых нет-нет да и просачивались в прессу. Что-то там было супер — не то взрывное устройство, не то уникальные ходовые качества, а может быть, и все, вместе взятое. И руководил процессами создания, испытания и дальнейшего производства, по существу, один человек — Всеволод Мстиславович Самарин.

Всю совместную жизнь, разве что за исключением последнего года, а Самарины состоят в браке четверть века, двое детей растут, одна школу заканчивает, а другой в институт поступил, Людмила Николаевна не могла нарадоваться на мужа — спокойный, добрый, заботливый, в меру сексуальный...

— Ну вы понимаете меня, — без смущения исповедовалась Самарина, — мужчина в том возрасте, когда у него вполне могут появиться какие-то интересы и на стороне. Так вот же, не было ничего этого! До прошлого года. И тут его вдруг будто подменили...

— С цепи сорвался? — без улыбки спросил Денис. — Или, как говорят иногда, просто отвязался?

— Первое — точнее, — серьезно сказала Самарина. — И мне известна причина. У нас работает... — это она по привычке сказала «у нас», — доктор технических наук Роберт Нолин, большая умница, энциклопедически образован, технарь до мозга костей и при этом тонкий эстет, можете себе представить? Ему шестьдесят с хвостиком, но выглядит на сорок. И вот не так давно, я уже сказала — в прошлом году, в октябре, что ли, Роберт попросил Масика... извините, это у меня сорвалось, по-домашнему... Словом, попросил моего мужа взять на работу Ангелину, последнюю супругу Роберта. Он дважды был женат. Что я могу о ней сказать? Ну яркая особа, вдвое моложе Роберта, успела защитить кандидатскую. Но я почти уверена: не своими знаниями при этом пользовалась, а исключительно собственными физическими дан-

ными. Поверьте, сейчас во мне не злость говорит и даже не ревность. Просто то, что уже произошло, представляется мне поистине чудовищным! За какие-то месяцы Самарина словно подменили. Он стал нетерпимый, грубый, резкий, гонор откуда-то появился... вплоть до обычной житейской жадности. А между тем сам зачастил по заграницам, по Америкам, Европам. Всюду семинары, симпозиумы. И постоянно рядом с ним эта Ангелина! Сучка сексуальная!

— А какую должность она занимает в объединении?

— Черт ее знает! Что-то по связям... Ну скажите, какие могут быть контакты, тем более с иностранцами, если ты работаешь в закрытом заведении?.. Раньше, какие-то десять лет назад, о подобном и помыслить никто бы не решился! А нынче у нас на дворе демократия, как же! Не знаю, не знаю... Куда власти смотрят?..

— Ну этот вопрос не ко мне. Точнее, не по моему профилю. Некоторую суть вы мне обрисовали. А теперь скажите: в чем вы видите мою помощь? Ну хорошо, в конце концов, возможно, нам удастся предъявить вам документальное подтверждение измены вашего мужа с этой Ангелиной. А дальше-то что? Я вам, уважаемая Людмила Николаевна, так скажу. По моей статистике, хотя я не могу считать ее достаточно полной и убедительной, после фиксации акта измены одного из супругов более пятидесяти процентов семей разваливаются. У вас двое детей, пусть уже в чем-то даже самостоятельных, вам это надо?

— А что вы предлагаете? — Она посмотрела на Дениса почти враждебным взглядом.

— Вообще, предлагать — не в моих правилах. Но в вашей ситуации я бы, пожалуй, предложил самый простой ход. Устройте мужу скандал, пообещайте поломать его служебную карьеру. Это может быть посерьезнее всяческих адюльтеров. А если он настоящий ученый, как вы утверждаете, он, возможно, не захочет губить свое научное имя. Встретьтесь, в конце концов, с этим Нолиным. Только постарайтесь не переборщить, не выглядеть этаким базарной бабой. Договориться всегда ведь есть возможность.

— Я не исключаю, что вы правы, Денис Андреевич, но мне в любом случае необходимы конкретные доказательства его измены. А то ведь сами знаете — начнется: тебе почудилось, ты с ума сошла от безделья — будто семья и дети не требуют времени! — ты слушаешь таких же дур, как ты сама, и так далее. Проходили.

— Ну что ж, тогда, как говорится, заключаем соглашение. Вы платите, мы добываем свидетельства. Может быть, для облегчения нашей работы у вас найдутся фотографии объектов? Институт ваш закрытый, посторонним, видимо, вход закрыт. Мы, конечно, можем добиться любого разрешения, но — время, да и особо привлекать к себе внимание в таких ситуациях нежелательно.

— Я вам дам фотографию мужа. А ее просто покажу. Мы подъедем на вашей машине к институту, подождем, когда она появится, и я вам ее покажу. Только придется несколько дней подождать.

— Почему?

— Дело в том, что в настоящее время и мой муж, и эта стерва находятся в очередной командировке. Они улетели в Штаты опять вдвоем. Господи, дай мне силы терпеть!

Денис с демонстративным сочувствием посмотрел на эмоциональную женщину, покачал головой, как бы призывая ее к дальнейшему библейскому терпению, и вежливо поинтересовался:

— Когда, по вашему мнению, они должны вернуться?

— В конце этой недели. Так мне сказали в дирекции. Но... вдруг они захотят задержаться на день-другой, не знаю.

— Мой телефон у вас имеется. Я жду вашего звонка. А может быть, даже имеет смысл моим сотрудникам встретить их прямо в аэропорту? И такие случаи бывали: человек прилетает на день раньше, чтобы... ну вы меня понимаете?

— Если так случится, он у меня сильно пожалеет!..

Денис понял: действительно пожалеет. Людмила Николаевна, похоже, дошла до предела. И готова к тому, чтобы его перешагнуть.

— Хорошо, подождем, — вздохнул Денис.

Работа предстояла самая банальная. И, как говорится, не пыльная. Но когда твоя контора сидит на полуголодном пайке, и это — хлеб. Лето — такое время...

Международный симпозиум по проблемам разработок новейших систем энерго-силовых установок на объектах морского базирования на этот раз был организован на базе Массачусетского технологического института в Кембридже, в пригороде Бостона, и в этом имелся определенный смысл.

Преыдушие симпозиумы и семинары проходили, как правило, в Пенсильванском университете, где имеется лаборатория прикладных исследований, занимающаяся разработками, связанными с технологиями скоростных подводных и надводных объектов, а конкретно — торпедами с принципиально новыми физическими характеристиками.

Но большинству ученых было известно, что данная лаборатория активно участвует в работе так называемого Национального научно-исследовательского совета Соединенных Штатов, который, в свою очередь, представляет собой нечто вроде трансмиссии между американскими компаниями и спецслужбами. Иначе говоря, имеет прямое отношение к разведывательному сообществу США. А абсолютное большинство европейских ученых, зная эти взаимосвязи, весьма неохотно делится секретами собственных исследований и научных открытий. Отношение к шпионам в ученом мире было всегда, мягко говоря, прохладным.

Бостон же с его великим Гарвардом и Эм-ай-ти (по-американски, а если упрощенно по-русски — Массачусетской «технологичкой») считался крупнейшим центром именно научной мысли, и этим все сказано. Хотя как еще посмотреть...

Эрнст Дроуди являлся руководителем частной компании «Нептун», о деятельности которой было известно очень немного. Да, проблемы новейших технологий. Но это была, опять-таки говоря по-русски, его «крыша». На самом же деле отставной капитан первого ранга и бывший кадровый сотрудник военно-технической разведки ВМС США господин Дроуди являлся представителем той самой лаборатории прикладных исследований Пенсильванского университета и занимался исключительно сбором и анализом передовых разработок в области создания оружия морского базирования, а также участвовал в размещении заказов на их проектирование в научных центрах и университетских лабораториях Соединенных Штатов.

Выйдя, как сказано, в отставку, Эрнст Дроуди регулярно приезжал в Россию в качестве генерального директора компании «Нептун». Резкое «потепление» отношений между Россией и Штатами, особенно в области научных исследований, материальная помощь российским ученым и представителям высшей школы помогали американцу посещать некогда абсолютно закрытые для него НИИ в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске и других городах. Но интерес его, распространявшийся на новейшие технологии вообще, главной своей целью имел усовершенствованный вариант так называемой УГСТ — универсальной глубоководной самонаводящейся торпеды.

А все дело в том, что в последние годы на мировых рынках вооружений Россия начала выставлять такие образцы торпед, которые по своим параметрам далеко превосходили остальные аналоги, в том числе и зарубежные. Опытному разведчику Дроуди не составило великого труда вычислить «отца» УГСТ.

Во всем мире сегодня преобладают торпеды с электрическим ходом. Последняя модель УГСТ предлагала принципиально новые физические характеристики. На практике это означало выход на большие глубины — свыше пятисот метров, скорость до пятидесяти узлов и наконец гораздо большую дальность поражения — свыше шестидесяти километров. Но, пожа-

луй, самое главное заключалось в том, что эта торпеда становилась неуязвимой для сегодняшнего поколения гидроакустики.

Родилась же эта уникальная торпеда и продолжала совершенствоваться в научно-исследовательском институте, входящем в научно-производственное объединение «Мосдизель», коим руководил сравнительно еще молодой, но весьма маститый академик Самарин.

Но академик, доктор наук, лауреат и прочее — это для русских, в Штатах достаточно высокого звания профессор, господин доктор, и все коллеги будут относиться к тебе с огромным почтением. В Штатах! В России же, как убедился Эрнст Дроуди, просто обожали свои многочисленные звания и регалии. Самарин не был исключением. Это Дроуди понял быстро, едва познакомившись с русским ученым на предыдущем пенсильванском семинаре. Тогда же он «положил глаз», как выражаются русские, на вызывающе яркую спутницу ученого. И подумал, что все в жизни происходит не просто так. Особенно там, где это касается все еще загадочной России и ее обитателей.

В Филадельфии Дроуди был исключительно доброжелателен и даже более, чем, возможно, требовалось, щедр с русской парой. И — никакой политики! Исключительно чистая наука! И бесконечные сожаления по поводу того, что правительство России уделяет так мало внимания своим гениям. Может быть, стоит похлопотать о гранте под будущие исследования и разработки? Впрочем, эта тема становилась скользкой, едва она касалась государственных тайн. Действительно, не надо излишне заострять вопрос. Но женщина! Она была просто восхитительна в своей обаятельной наивности! Вот уж истинно — настоящая верная спутница большого ученого. Да, все мы человеки, у каждого имеются свои слабости, или, как говорят англичане, свой скелет в шкафу...

В Бостоне Эрнст Дроуди решил уже не церемониться. По его мнению, почва была достаточно удобрена, подготовлена к удачному посеву и, естественно, снятию небывалого урожая.

Номера в роскошной гостинице для ученого из России и его помощницы были сняты не рядом, а на соседних этажах, однако оба отличались безукоризненным комфортом. Ну что поделаешь, так получилось... Дроуди был искренне расстроен тем, что профессор... эскьюз ми, господин академик будет вынужден не стучать косточкой пальца в стенку, вызывая к себе в апартаменты свою спутницу, а ему придется для этой цели пользоваться телефонной трубкой. Зато все остальное!.. Истинное американское гостеприимство обычно дорого стоит, но не для вас, господа...

И мистер Дроуди, сухощавый, рослый и прямой, как палка, с коротким седым ежиком, тщательно выбритый и пахнувший дорогим французским парфюмом, с удовольствием проводил мадам Нолину в ее апартаменты, где на ночном столике у широкой постели лежала традиционная Библия (на русском языке), а в выдвижном ящичке — целый набор контрацептивов — в Америке масса всевозможных соблазнов. Не угодно мадам ознакомиться?..

Эрнст — или Эрик, как очень скоро по-свойски стала называть его жадная до удовольствий русская красавица, — не пожалел о своей предусмотрительной щедрости. Два-три подобных контакта, и из мадам, по-русски говоря, скоро можно будет вить веревки...

Дроуди быстро сообразил, что слабости русского гения есть результат паразитической силы и способностей его подруги, и неторопливо, но настойчиво усилил натиск.

Перед глазами красавицы замаячили большие, и даже очень большие, деньги. Аргументация Дроуди была проста и доступна для понимания и полного идиота, если бы таковой оказался перед ним. Ангелина же душой себя вовсе не считала и отлично понимала, что, когда тебе предлагают сделку стоимостью полмиллиона долларов, никакой благотворительностью, несмотря на любые уверения, здесь и не пахнет.

Дроуди предложил купить всю документацию, связанную с последними разработками по УГСТ. При этом он уверял, что ничего противозаконного здесь не будет. Россия уже неоднократно демонстрировала различные модификации данного изделия на международных сало-

нах вооружения, разумеется не раскрывая при этом каких-то своих секретов. Но все мы живем в таком мире, где кардинально, принципиально новое долгое время сохранить в тайне просто невозможно. Дело только во времени. И то, что сегодня придумал академик Самарин, завтра вполне может стать подобным же открытием любого зарубежного его коллеги. Но если сегодня новое слово Самарина стоит очень дорого, то завтра уже никто не захочет, по-русски говоря, отстегнуть ему большие бабки. И рассчитывать на какое-то признание он сможет разве что где-нибудь в странах третьего мира к примеру, на Ближнем Востоке. Но для этого еще придется перешагнуть определенные запреты, продиктованные международными договоренностями.

И еще приводил Дроуди вполне достойный с его точки зрения аргумент. Продавая сведения об УГСТ на Запад, академик Самарин ничуть не способствовал ухудшению обороноспособности своей страны. Напротив, он даже способствовал бы тем самым созданию равных условий между мировыми державами. В конце концов, никакой новой мировой войны, к счастью, не предвидится, а на любой яд всякое уважающее себя государство постоянно готовит противоядие. Так что и предательства интересов Отечества тут тоже не наблюдается. А вот коммерческий интерес — он наличествует!

— Давайте говорить честно, — предлагал Дроуди своей собеседнице, — разве ваш институт, ваше министерство или, в конечном счете, ваше государство оценит по достоинству работу вашего шефа? Ну повесят ему на грудь очередную бляшку. Еще какое-нибудь звание придумают. И что дальше? А я предлагаю пятьсот тысяч долларов — и без всяких налогов. Как вы говорите, черным налом. При этом ваши разработки у вас же и остаются! Ну на худой конец, мы, вероятно, всегда сможем договориться о том, чтобы испытания нового изделия были проведены у вас не в ближайшее время, а, скажем, через три-четыре месяца. И все. Разве небольшая оттяжка во времени не стоит половины миллиона?

Дроуди прекрасно видел, как под полусонной пленкой, прикрывающей прекрасные глаза женщины, вспыхивают, словно невзначай, острые огоньки. Так, наверное, пантера, увидавшая добычу и уже рассчитавшая свой прыжок, в последний миг прикрывает глаза, чтобы ненароком не выдать своих намерений. Дроуди все видел, но не торопился. Шелест купюр был еще недостаточно слышимым для дамы, и пока не закипела ее душа от обилия соблазнов. Достаточно скромный быт пенсильванского семинара не открыл ей в прошлый приезд в Штаты сияющих перспектив. А здесь, в Бостоне, прежде чем прийти к окончательному решению и оказать необходимое воздействие на своего патрона, дамочка должна на себе почувствовать в полной мере, как она выглядит наяву — роскошная жизнь.

Дроуди умел изображать из себя обаятельного мужчину, профессия к тому обязывала. И он постарался в свободное от научных разговоров время организовать прием русских гостей по максимуму. Старания должны были с лихвой окупиться теми дивидендами, которые сулили последние разработки академика Самарина. Шикарные приемы в честь русского ученого в лучших отелях Бостона, завтраки и ужины на океане, обилие дорогих сувениров для Самарина и его дамы, искреннее почтение, коим был постоянно окружен академик, — все было брошено в атаку ради одной-единственной цели: тайны УГСТ.

Первой, как и рассчитывал американец, сдалась Нолина. Во время одной из прогулок на яхте она сказала, что беседовала со своим шефом, и тот, являясь человеком в первую очередь здравомыслящим, ответил ей, что готов подумать о предложении мистера Дроуди. А повод для более конкретного разговора может представиться в Москве, ну к примеру, на следующей неделе. Он, пожалуй, пригласит американца в свой институт, где они смогут уже в деталях обсудить сделку.

Дроуди понял, что большего сейчас не добиться, и удовлетворился сказанным. Однако натиск на даму не уменьшил: ему требовалась ее безоговорочная преданность. А достичь этого можно было одним путем, и он добился благосклонности Ангелины во всех смыслах. Жадная до новизны, женщина не могла отказать себе в удовольствии совершить небольшую автомо-

бильную прогулку на ранчо одного из приятелей Дроуди. Уговорила и шефа. И пока тот под руководством блестящего тренера учился владеть клюшкой для гольфа, Ангелина без всяких помех удовлетворила и свою постоянную страсть. А Эрнст отныне стал для нее Эриком, разумеется, наедине. Очередная золотая безделушка стала выражением его искренней благодарности любвеобильной подруге русского академика...

...Паспортный контроль они проходили в Шереметьеве-2 порознь, в разных секциях. Как рассорившиеся любовники.

Считая себя женщиной предусмотрительной, Ангелина предложила Самарину на какое-то время постараться прекратить откровенную демонстрацию своей близости. Она, как и всякая другая женщина, чьи рассуждения чаще диктуются эмоциями, чувствовала, что вокруг их отношений сгущается тревожная атмосфера. И прежде всего, причиной тревоги была жена Самарина, совершенно одуревшая от домашнего безделья, неудовлетворенная самка. Иного и быть не могло, ведь все свои силы Сева вынужден был регулярно отдавать любовнице. Все бы ничего, да еще в другой ситуации, но никак не сейчас, когда запахло большим бизнесом.

Всякая неучтенная мелочь, любая семейная неприятность у директора института могла расстроить важное дело. Или вообще сорвать его. А то, что предложил американец, Ангелина не могла рассматривать без своего самого непосредственного участия. Дроуди тоже, вероятно, это прекрасно понимал. Недаром же именно ее избрал в качестве своей помощницы. Секс там и прочее — это попутные явления. Хотя, к удивлению Лины, Эрик оказался вполне удовлетворительным партнером, не так уж и стар, каким делает его седой ежик, а уж об опыте и говорить нечего — весьма профессионален. Так вот, если в данной ситуации нарушатся из-за каких-то непредвиденных обстоятельств более чем доверительные отношения Самарина и Нолиной, рухнет и весь проект. В этом была твердо убеждена Ангелина.

Имелись и другие причины. Являясь «отцом» УГСТ, академик полностью зависел и от некоторых своих сотрудников. И первым среди них был Махмуд Мамедов, ведущий конструктор института, кандидат технических наук, разработавший боеголовку торпеды. Направить его в нужное русло, по мнению Нолиной, не представляло особого труда. На то были соображения личного характера.

И наконец, серьезной фигурой в большой игре мог оказаться военпред объединения Иван Григорьевич Козлов. Тоже проблема не очень великая, но требующая для решения определенного времени.

Ничуть не сомневаясь в поразительных способностях своей активной помощницы, Всеволод Мстиславович поручил ей предварительную обработку этих двух сотрудников, решив взять на себя финальную часть, то есть, собственно, переговоры с американцем.

Все его доводы, кстати, насчет чистой коммерции не стоили и выеденного яйца. Самарин прекрасно понимал значение своей работы и ее истинную ценность. Видел и то, что ни бывшая советская власть, ни нынешняя, погрязшая в коррупции и коммерции, никогда не заплатят ему подлинной цены. Но одним почему-то разрешено продавать за границу новейшие технологии и наживать при этом баснословные барыши, а перед другими ставятся всяческие запреты в виде гостайны и прочих фетишей, призванных устрашать и без того не избавившихся от «совковой» вечной боязни предательства интересов Родины обывателей от науки. Самарин к числу последних себя никогда не причислял. Но ведь и новое время, иные отношения — лечили, никуда не денешься! Человек в конце концов живет на большой Земле, а не в узком пространстве, обнесенном государственными границами. Могли же, к примеру, американские атомщики помочь России установить паритет в мире? И мы называем их героями, хотя их деяния, возможно, в сороковые годы и выглядели антипатриотично. Нет, если рассуждать об определенном паритете, тут, несомненно, прав этот Дроуди. И в этом единственная его правота. Что же касается всего остального, то оно стоит денег. И больших. Понимая это обстоятельство, американец

и предложил полмиллиона долларов. Наверное, с ним придется обсудить эту сторону общей заинтересованности. Перебарщивать, как говорится, не стоит, но поторговаться нужно...

Это может показаться смешным, но именно Лина первой заметила, что пятьсот тысяч, предложенные американцем, не очень ловко делить на четыре части — имея в виду Мамедова с Козловым. Какие-то не круглые цифры получаются. Так что будет еще о чем поговорить с Дроуди.

Лина вообще, рассуждал Самарин, в последнее время превращается в незаменимую помощницу — во всех смыслах. Понял он и зачем она учинила этот откровенный демарш в Шереметьеве. И сразу оценил, когда увидел в толпе встречающих свою Людмилу. Ее насто-роженный взгляд, не обнаруживший рядом с мужем его вызывающей спутницы, как-то даже потеплел.

Но Ангелина миновала контроль первой и, выйдя за барьеры, сразу увидела и искренне приветствовала супругу своего шефа. Похоже было, что Людмила даже растерялась. Как это — порознь?

— Просто мы летели в разных классах, — с улыбкой объясняла Лина, не далее часа назад убравшая свою голову с плеча Всеволода Мстиславовича. — Ой, а каких прелестных вещей он вам закупил! Такая прелесть! Ну, бегите встречайте, а я поеду.

Подозрения всколыхнулись было в душе Людмилы, но она переборола себя и предложила:

— Зачем же вам такси брать? У нас машина, довезем прямо к дому!

— Нет, что вы, какое такси?! — изумилась Нолина и наклонилась к самому уху Людмилы: — Только вам одной и под... секретом, ладно? Меня тут один мой хороший знакомый встречает, а я так соскучилась, понимаете?

Ох и хитра была Ангелина! И настолько доверительна, что Людмила поверила ей. Да, поверила, хотя внутренне и воспротивилась: ну как же это так, вон сколько за границей пробыла, а все заботы и мысли не о муже, а черт знает о чем!.. И тут же новая мысль: выходит, что же, ничего у них с Масиком не было? А как же все разговоры? Что-то не то!

Однако доброжелательность и полнейшая открытость — чуть было не подумала — подруги в какой-то степени успокоили Людмилу. А вышедший муж всего-то и поинтересовался своей помощницей:

— А где она? — и, вполне удовлетворившись объяснением жены, больше к имени Нолиной не возвращался.

Людмила же Николаевна во всей этой ситуации чувствовала себя чрезвычайно неловко. Полная обоснованных подозрений, примчалась она в аэропорт. Следом за ней в Шереметьево-2 прибыли двое сотрудников Дениса Грязнова, знающие, что им предстоит выяснить в ближайшие дни. А вот теперь, после такой спокойной встречи, после искренних — хотелось бы думать! — поцелуев мужа Людмила Николаевна ощущала себя вроде бы обманутой.

Отменить, что ли? Но как? И аванс внесен, и сыщики уже познакомились со своими объектами наблюдения. Остановить их — но тогда как все это объяснить Масику?

Заметив, что жена чем-то мучается, Всеволод спросил о доме и о здоровье детей, выслушал краткий ответ и стал сам рассказывать о своих американских впечатлениях. А Людмила слушала вполуха и размышляла: что делать? Остановилась на том, что слежку можно будет отменить и завтра. Ну пропадет аванс. Зато душа будет спокойна...

Крупный, худощавый Николай Щербак вопросительно посмотрел на тщедушного с виду Филиппа Агеева.

— А чего, есть вопросы? — удивился Филя. — Папашка в объятиях родной супруги, значит, никуда сегодня не денется. А вот куда и с кем наша дамочка путь держит, это вполне может представить профессиональный интерес. Не так?

— Пожалуй, так, — согласился тугодум Коля. — Значит, двигаем за ней. Ты заметил этого, ну, азера?

— Он не азер, а либо дагестанец, либо чечен. И вообще Кавказ на таких русских баб всегда неровно дышал. Ну, поехали?

Николай отправился к «девятке», припаркованной почти у самого выезда из зоны прилета, а юркий Филя устремился за видной издали высокой и светловолосой женщиной, пудровую сумку которой легко, словно перышко, нес черноголовый стройный парень с лицом кинематографического джигита. Бурки ему и папахи не хватало, а то прямо молодой Зельдин. А вот мадам Ангелину лишь человек с извращенной фантазией мог бы себе представить в роли свинарки...

— Непыльная, говорит, работенка... — бормотал про себя Филя, догоняя заметную парочку и вспоминая напутствие Дениса Андреевича Грязнова. — Ну-ну, дай бог, если на свежем воздухе... Но эти определенно стремятся именно в закрытое для посторонних помещение... Ишь какие мощные когти у нашего орла! Как вцепился в свою добычу!..

Глава третья ЛЮБОПЫТНЫЕ ПУСТЫШКИ

«Девятка» цвета мокрого асфальта следовала за зелеными «Жигулями» метрах в ста — ста пятидесяти.

Пока парочка, уже сидя в машине, пережидала, когда проходящие сзади автомобили освободят им дорогу, дадут возможность выехать со стоянки у аэропорта, индифферентно прошвырнувшийся мимо Филипп Агеев успел припечатать к «заднице» «Жигулей» металлическую магнитную блямбочку. И теперь, едучи следом, сыщики, как они гордо себя именовали, имели отличную возможность слушать и даже, если потребуется, записывать разговоры в салоне «Жигулей». Но любопытного ничего не было...

— Ну как долетела?

Голос у спрашивающего был резковатый и чуть гортанный, как у многих кавказцев, постоянно проживающих в Москве. Акцент чувствовался, но речь была правильной, без кавказских загибонов вроде «дэвушка» там или «слюшай». В общем, нормальная речь, и если не видеть говорящего, то, пожалуй, и не сразу поймешь, какой он национальности.

— Нормально...

— Соскучилась?

— Да некогда было...

— Ну уж!.. Только не рассказывай мне, что заседали с утра до позднего вечера. Наверняка и на всякие удовольствия время оставалось? Не так, дорогая?

— Ты будешь сильно удивлен, но все было именно так, как ты думаешь. И заседали, и кое-что успели увидеть. Они, оказывается, перенесли семинар из Филадельфии в Бостон. Так... новые впечатления...

А вот у нее голос был явно усталый и равнодушный...

— Будем писать? — спросил Щербак.

— Пока ноль информации. Про семинар уже рассказала Самарина. Может, дальше чего будет? Ну давай включу... Стереть всегда успеем. — Филя потянулся к магнитофону и включил запись.

— Значит, ничего... Ну а этот американец, про которого ты рассказывала?

— А-а... Да. Был. Но это особый разговор. Не на бегу... Ты лучше скажи, как у тебя-то?

— Ай! Моя ханум скоро совсем озверееет от ревности. Не понимаю, кто ей мог донести?

Ну и народ у нас!

— А что именно?

Она словно проснулась. А он захохотал.

— Ты ни за что не поверишь!.. В Пятигорске... Ну ты помнишь!.. Оказался то ли проездом, то ли торговал там — хрен его знает! — какой-то ее дальний родственник. Вот и выяснилось: он был когда-то на нашей свадьбе...

— И что?

— Да ничего! Она говорит: тебя видели в Пятигорске, что ты там делал? А чего делал?

Я ж не могу ей рассказывать, как мы с тобой...

Он продолжал хохотать.

— Это совсем не смешно! — строго сказала она.

— Да брось ты! Не бери в голову. Чушь! Я ей так и ответил. Ошибся твой родственник. Покажи, говорю, мне его, я ему яйца оторву!.. Ну скажи, разве он мужик после этого? Пред-

положим, увидел знакомого с красивой женщиной... Вроде тебя. Так что он должен делать? Бежать доносить? Он завидовать должен, как говорил наш бывший великий вождь и учитель!

— Так вот, может, он и позавидовал. А ты не обратил на него внимания. Не объяснил, что к чему. Он и подумал, что ты пренебрегаешь им. А где обида, там и месть рядом. Он и кинул тебе мелкую подлянку.

— Разве что так... Но я ей, кажется, сумел вдолбить, что всю командировку просидел безвылазно на приборостроительном, в Нальчике. А в Пятигорске если кто и мог видеть меня, так лишь один раз, когда я ездил в Минводы. Убедил, по-моему...

— Видишь теперь, насколько я была права?

— Дорогая, ты всегда права. И чем больше я тебя узнаю, тем больше в этом убеждаюсь. А сегодня, когда приехал в порт, как мы с тобой и договаривались, и вдруг вижу Кикимору, ну, думаю, сейчас она устроит нашему Масику по полной программе. И как тебе удалось?

— Эта дура считает, что у нас с ним может быть что-то этакое...

— А что, разве не может?

В его голосе заметно прозвучали ревнивые нотки.

— Так это ж он сам уже не может! — рассмеялась она. — Я понимаю, что с ним происходит. Он полностью, в отличие, к примеру, от нас с тобой, утонул в науке. И там все его и мысли, и желания. Пару раз... были мы там в гостях у одного ракетчика, расслабились — океан, пляж, полный кайф... Ну погладил он меня по коленке. А мне смешно стало: будто папаша дочку приласкал! Думаю про себя: да что ж ты такой?! Ну давай, действуй дальше, отпусти ручонки-то! Я ж ведь дам, тем более рядом ни одной живой души! Нет, погладил, улегся на спину, панаму такую здоровенную на нос нахлобучил и... захрапел. Чуть не убила его!

— Бедная девочка! — засмеялся он. — Так, значит, ничего и не получила? А что, сильно хотелось?

— Как видишь! — Она вздохнула.

— Ну тогда мы с тобой быстренько поправим это дело!

— А мне совсем не надо быстренько! И вообще, я соскучилась. Эй, друг, а куда это ты меня везешь?

— Как куда? К тебе домой.

— Здравствуйте! А Нолин?!

— А вот он как раз пашет, бедняга. В Нижнем он, на Сормове. Вернется, как я узнал у Серафимы, сегодня ночью, самолетом. Серафима мне, кстати, время и вашего прилета уточнила. А ей постоянно названивала Кикимора, можешь себе представить? Кажется, наш Масик уже полностью под колпаком у Мюллера.

— Зря смеешься. Это очень скверно.

— Почему?

— А потому, что дела предстоят серьезные. А ему никакие хвосты и соглядатаи не нужны. Они могут крепко помешать.

— Ту имеешь в виду американца?

— А кого же еще. Ладно, поговорим... Нет, нехорошо. Ну что-нибудь придумаем... Знаешь-ка что, у меня нет ни малейшей охоты ехать сейчас домой. Тебе ведь известно: я не люблю рисковать. В таких случаях.

— Боишься за супружескую постель?

Он, похоже, начал язвить.

— Ты до такой степени изголодался, что других мыслей в голове уже нет? Успеешь. Получишь. А поедем мы с тобой давай сейчас по Алабяна, по маршала Жукова и — прямо в Серебряный Бор. Я знаю место, где мы с тобой сможем чуть-чуть оторваться.

— А что там такое?

— Приедем — увидишь. Господи, да что с тобой?! Ну дача там самаринская. А ты разве не знал?

— Откуда? Я в его компанию не вхож. Хоть и одно дело делаем.

— Ну да, он — академик! Как же! Плохо ты, однако, людей-то знаешь... А он тебя ценит.

И ты, кстати, это поймешь, когда я тебе все расскажу.

— Но только потом!.. А там, в Серебряном Бору, где?

— Огромная дача. И ключ у меня в кармане.

— Интересно!..

— Кажется, действительно становится интересным. — Филя многозначительно покачал головой. — Что скажешь, Николай?

— Блядский разговор, — мрачно ответил Щербак. — И сами они такие. Только я теперь не понимаю: если эта сучка не лепит горбатого, то какой смысл был у Самариной — это ведь она, надо понимать, Кикимора? — нас нанимать? Денег девать некуда? Или правду говорят, что ревность может полностью бабе глаза заслонить?

— А этой ты веришь? — с усмешкой спросил Филя.

— Ни одному слову. А чего они все какого-то американца поминают?

— Американец нас, Коля, не колышет. А вот что ключ от дачи Самарина в кармане этой сучки, это явно на что-то указывает!

— Поедем наблюдать, как эти будут трахаться? — все так же мрачно заметил Николай. — Знать бы, где дача, можно было бы их опередить...

— Ничего, — успокоил Филя, — есть у меня еще одна хитрая штучка.

Он помотал головой и полез в бардачок машины...

— А никто из них там случайно появиться не может? — после долгой паузы спросил вдруг он.

— Лето. Ребяшня его где-то отдыхает. А Кикимора сюда практически не ездит.

— Это значит?..

— Ничего не значит, дурачок! Просто сам привык здесь работать. А ты разве не в курсе?

— О том, что он где-то здесь торчит постоянно, знают даже наши уборщицы. А у тебя-то какая роль?

— Самая главная! Фигаро здесь, Фигаро там! Странно, что он до сих пор тебя сюда не приглашал...

— Может быть, потому, что у нас не настолько доверительные отношения.

— Ну это дело мы, конечно, поправим. С одним условием.

— Каким?

— Ты должен быть умным и не ревновать. Вообще лучше смотреть на меня, как на пустое место. Сумеешь?

— Если дело потребует, буду стараться. Но не уверен.

— В чем же?

— В том, что мы наконец доедем. Слушай, а может, не станем ждать?

— Ты сошел с ума!

— Похоже на то... А ты разве не видишь?

— Еще как вижу!.. Терпи, казак!

— Ненавижу казаков!

— Это почему?

— Ты не поймешь... — Он вздохнул. — Это слишком глубоко в крови сидит... Толстого читай, у него все написано...

— Ага, поэтому вы на наших баб как оголтелые кидаетесь?

- Ты — особая статья. Ладно, не отвлекай, а то я уже весь не в себе...
— Вэс нэ в сэбэ! — передразнила она. — Ох, все вы — кобели порядочные...

Дача стояла за высоким зеленым забором на четвертой линии Серебряного Бора, рядом с излучиной Москвы-реки. Поистине райское место в столице. По соседству с домом Самарина находились шикарные дома патриарха, иностранных послов и каких-то совсем уже новых русских. В общем, заповедное место.

«Жигули» подъехали к воротам и остановились. Мужчина и женщина вышли из машины. Он проверил дверцы и «вякнул» сигнализатором. Она тем временем открыла ключом калитку, и они удалились на территорию дачного участка.

Там было тихо. Собаки не лаяли, похоже, и сторожа отсутствовали.

Щербак подогнал машину почти вплотную к высокому забору. Филя легко вскочил на капот, затем на крышу, взялся за кромку ограды и через миг, перемахнув ее, мягко опустился... в глухие заросли крапивы. А вот на это он никак не рассчитывал.

Двухэтажный деревянный дом с длинной застекленной верандой находился в глубине участка, заросшего высоченными соснами и большими купами уже отцветшей сирени.

Агеев плечом раздвинул крапиву — приходилось двигаться почти на корточках — и снова огляделся. У ограды, возле ворот, находилась сторожевая будка. Это был небольшой одноэтажный домик с маленькими окнами, закрытыми деревянными ставнями. От него асфальтированная дорожка вела к веранде, дверь которой была открыта настежь.

«Нет, — подумал Филя, — туда нельзя». И он, пригибаясь, как это делал всегда во время проведения разведопераций еще там, в Чечне, где короткими быстрыми перебежками, а где медленно скользя через кусты, но так, чтобы колебание веток сходило за дуновение ветерка, приблизился к задней стене дома.

Здесь ставни на окнах были тоже наглухо закрыты. А к слуховому окну в высоком мезонине вела обыкновенная деревянная лестница-стремянка.

Еще раз внимательно осмотревшись, Филя ужом скользнул наверх. Полукруглое окошко было закрыто, но не заперто. Отворить его — дело нескольких секунд. И вот он уже спокойно, плавными шагами заскользил к лестнице, ведущей со второго этажа вниз, внутрь дома.

Послышались голоса. Смеялась женщина, и что-то невнятное бормотал мужчина. Они были так беспечны и заняты собой, что вряд ли услышали бы какие-то посторонние шумы. И вот это уже было Филе на руку.

Он достал из-за пазухи плоскую коробочку, вытащил из торца ее и раздвинул в стороны усики антенны, а в открытый люк, отсекающий первый этаж от второго, опустил на тоненьком, почти паутином, поводке крохотный микрофон. Вставленная в ухо «улитка» сразу перенесла Филю в центр событий. И в их разгар. Он усмехнулся и нажатием кнопки послал сигнал в машину, к Николаю, пусть и он заодно уж послушает эротические всхлипы и восклицания вошедшей в раж парочки...

Видимо, обоюдное желание тех было настолько сильно, что насыщение наступило быстро. Первой пришла в себя женщина и заговорила вполне нормальным и даже заметно суховатым голосом. Вероятно, в ее планы слишком уж продолжительный секс не входил. Чего совсем нельзя было сказать о мужчине, которого ей теперь приходилось останавливать, проявляя определенное недовольство его настойчивостью.

Филе давно наскучили бесконечные «охи» и «ахи», и слушал он монолог Ангелины безо всякого интереса. Там, на улице, Николай все записывает. Потом Денис Андреевич прослушает всю эту галиматью и если найдет что-то стоящее для себя и соответственно для дела, то и обратит на это внимание. Тем более что ее рассказ про какого-то американца, который чего-то хотел купить у них в институте, как показалось Филе, не имел отношения к тому заданию,

которое «Глория» выполняла по заказу Самариной. Кстати, и имя ее мужа тоже ни разу не поминалось. Вероятно, парочка обсуждала какие-то свои сугубо личные дела.

Можно было, по идее, все это бросить и выбраться наружу, а затем и к машине, чтобы уже на колесах продолжать дальнейшие наблюдения за любвеобильной мадам. Филя чувствовал по настроению любовников, что этой фигней они уже пресытились и должны скоро расстаться. И потому удерживало его здесь исключительно одно: профессиональная привычка разведчика — ничего не оставлять на середине, а любое наблюдение доводить до конца. Хотя, может, никому это уже и не нужно.

Наконец они стали собираться. В смысле одеваться. Филя легко переместился в угол, за старинный комод: вдруг им придет охота заглянуть зачем-нибудь на второй этаж. Но их теперь интересовала только работа.

— У тебя с Ваней-то какие отношения? — спросила она.

— Нормальные. А в чем дело?

— Он вообще как — доволен работой? Зарплатой?

— Ну ты скажешь! Покажи мне того, кто сегодня удовлетворен своей зарплатой!

— Вот посмотришь на самого себя в зеркало и увидишь. Уж это я тебе твердо могу обещать. К примеру, сто тысяч «зелененьких», так, через недельку-другую. Устроило бы?

— Смеешься?

— Абсолютно железно. И Ване столько же. Может, чуть меньше. Как говорится, от вклада.

— А о чем вы договорились?

— О том и договорились. Встретимся днями и поставим точку. Бандура ваша очень их интересует.

— Ты имеешь в виду шестьдесят восьмую?

— А другие им не нужны. Причем условия диктуем мы. Они согласны. Там и надо-то... Господи, о чем разговор!

— А сам как отнесся?

— Так его ж идея.

— Ага. Понимаю...

— Ничего еще ты, Махмудик мой дорогой, не понимаешь, — засмеялась женщина. — И поймешь только тогда, когда получишь от меня десять пачек по десять штук в каждой. Вот тогда и мозги у тебя прочистятся, и глаза станут зоркими, как у настоящего горного орла... Эй, парень! Спокойно!.. А что ты станешь делать с такими деньжищами?

— Ну ты скажешь? Деньжищи... На хороший дом, конечно, не хватит, но большую квартиру куплю. Четыре девочки, а? Каждой своя комната скоро нужна будет! И ханум вот здесь у меня уже сидит! Дышать совсем не дает... Машину хорошую куплю. Стыдно в «семерке» кататься... А еще? Я хорошо с тобой погуляю! Не в Пятигорск поедем — за границу! На Канарские острова! А?

— Достойные планы... Вот ты что-нибудь эдакое нарисуй и Ване. Или мне самой за него взяться?

— Давай я поговорю, а там посмотрим. Прикинем. Он должен согласиться. Поможет... Это вы хорошо придумали.

— Цени, кавалер! Ну, ты готов? Поехали?

— Так не хочу никому тебя отдавать!

— Махмудик! Ты ведь настоящий мужчина! И должен понимать, где главное, а где просто удовольствие. Я же тебе ни в чем не отказываю — сам видишь! Но всему свое время.

По полу застучали ее быстрые каблочки и его тяжелые шаги. Хлопнула дверь, послышался щелчок замка.

Агеев со Щербаком «довели» Махмудика с Ангелиной до ее дома на Кутузовском проспекте, где и оставили. Махмуд тут же уехал, а женщина поднялась к себе в квартиру. На сегодня практически работа закончилась, Филипп договорился с Самариной, что под окнами их дома они торчать не будут, но если ее муж куда-нибудь соберется, она им просто позвонит.

Кассету с записью они отдали Грязнову и удалились, плотноядно улыбаясь: они уже почувствовали, какое «удовольствие» получит их шеф во время прослушивания. Сами же, за неимением пока других срочных заданий, отправились в буфет Сандуновских бань — попить свежего бочкового пивка, с которым не идет ни в какое сравнение ни бутылочное, ни тем более баночное. Но это для тех, кто действительно понимает.

С их точки зрения, наблюдение не дало практически ничего. Если не считать, правда, того обстоятельства, что мадам Нолина не просто вхожа на дачу своего шефа господина Самарина, на чем, собственно, и настаивала супруга академика, но и считает вполне возможным устраивать там любовные свидания. Однако, по ее же словам, сам академик давно и прочно потерял мужскую потенцию и, следовательно, опасности для семейной жизни Самариных с этой стороны не представляет. Что, в общем, косвенно подтвердила и сама Людмила Николаевна, открыто заявив Денису Андреевичу, что давно уже не вступала с мужем в интимные отношения.

«А может, у бабы просто климакс? — размышлял Грязнов. — И все связано именно с ее нынешним психическим состоянием? И подозрения, и ревность, и даже ярость по отношению к воображаемой сопернице?»

И он решил не особенно напрягаться. Пусть парни еще ходят за воображаемыми любовниками два-три денька и бросают это дело. Аванс, в конце концов, приличный, а отрицательная информация в данном деле куда лучше положительной.

Он сунул кассету в ящик стола, решив на всякий случай ее все-таки не размагничивать. Появился новый фигурант — некто Махмуд. Интересно, кто это? Надо бы, чтобы парни смотрелись в институт и выяснили этот вопрос. Тоже на всякий случай. Вряд ли он будет играть какую-то роль в этом деле, хотя...

Он же знаком с Самариной и зовет ее Кикиморой. Любопытно, по какой причине? Женщина, надо отдать ей должное, никак и ничем не напоминает это болотное чудовище. Значит, что же, характер? Тут может быть объяснение.

И еще. У них явно затевается какое-то серьезное дельце стоимостью в несколько сотен тысяч долларов, если не больше. И состав участников весьма узок: сам академик, его помощница, этот Махмуд и некий Ваня. И уже гонорар разделили. Интересно.

Но, придя к такому выводу, Денис постарался полностью отстраниться от него, поскольку вся эта «фигня», как выразился Филя, не имела решительно никакого отношения к тому делу, которое было уже частично оплачено. Впрочем, по словам той же Ангелины, как бишь ее, Васильевны, что-то у них должно было решиться в течение двух-трех дней. Вот приедет американец и... А что «и», покажет наблюдение...

Пока же — пустышка. Хотя и любопытная.

Следующие два дня не принесли ничего нового.

К восьми утра к большому академическому дому на улице Вавилова подавалась сверкающая лаком темно-синяя машина — «Вольво-960», из подъезда появлялся подтянутый, молодцеватый академик, шофер сам открывал ему заднюю дверь, и они уносились в Химки, где находилось НПО «Мосдизель». Вероятно, не так уж и плохи у них дела, если директор ездил на такой дорогой и неэкономной машине. Да и внешний вид его вовсе не свидетельствовал об аскетизме, о бессонных ночах, отданных науке. Был академик высок, строен, розовощек и вообще имел вид спортивный и хорошо ухоженный. По некоторым данным — о чем,

кстати, почему-то умолчала жена, — увлекался модным нынче теннисом и играл довольно-таки неплохо. Казалось несколько странным, что при такой внешней форме, да и возраст невелик — пятьдесят три далеко не старость, — Самарин не одаривал супругу положенной ей мужской лаской. Ведь и она была совсем не старухой, и внешностью обладала весьма привлекательной, вот разве что характер прямой и бескомпромиссный, а тут недалеко и до сварливости. Впрочем, кто их разберет, эти академические семьи, где черную икру, поди, ложками жрут, на дорогущих автомобилях раскатывают — мадам, между прочим, приезжала в «Глорию» на новенькой «тойоте» и сама за рулем сидела, — а сами у себя даже элементарного порядка навести не могут...

Примерно в это же время, то есть в начале девятого, из многоэтажки на Кутузовском проспекте выходили Роберт Павлович и Ангелина Васильевна Нолины, и служебная тридцать первая «Волга» увозила их в сторону МКАД, а там по кольцевой все в те же Химки. Супруги выглядели несколько комично — сутуловатый, невысокий муж и рядом с ним этакая роскошная кобылка, туго обтягивающее платье которой вполне могло быть и подлиннее. Первое впечатление — постаревший папаша с рослой дочерью-акселераткой. Она заботливо поддерживала его под руку.

«М-да... — осуждающе покачивал головой Филя Агеев, следующий за ними в «Ладе» девяносто девятой модели, в то время как Щербак сопровождал академика на разъездной «девятке», — за причинами далеко ходить не надо... Обычная история...»

Но почему же так старательно отрицала свои возможные связи с академиком эта дамочка с откровенно вызывающей внешностью? Наверняка типичные женские уловки. Одного любовника ей не хватает и при этом необходимо сохранять свое лицо?..

Объединение, как и любое закрытое учреждение, было обнесено высокой оградой со всеми необходимыми средствами защиты от проникновения на территорию посторонних — колючкой на растяжках, фонарями, висящими на кронштейнах, и наверняка всяческой контрольной видеотехникой. Во всяком случае, парочку следящих телекамер над широкими железными воротами никто и не скрывал. А о том, чтобы просто так заехать на территорию, где находились несколько типовых зданий, большой ангар и разнообразные складские помещения, и речи идти не могло: требовался определенный допуск.

Но сыщики и не собирались там ошиваться. В конце концов, если директор где-то и проводит интимные свидания со своей сотрудницей, то не в рабочем же кабинете. Для этих целей им вполне могла служить та же дача в Серебряном Бору, где, судя по словам той же Ангелины, исключался всякий риск, которого так не любила экстравагантная женщина.

А если они оба знали, что ничем там не рискуют, следовательно, помещение чисто. Вот и придется его оборудовать соответствующей техникой. Грязное это дело, конечно, поскольку без очень серьезных оснований никакой суд не даст разрешения на установку подслушивающей и подсматривающей аппаратуры, а значит, все это противозаконно. А в этом случае недолго и лицензию потерять, и никто с тобой вообще разговаривать не станет: это ж только подумать, за кем слежку ведете?!

Оставив Щербака перекуривать и беседовать с охраной института — Николай зондировал возможность своего устройства к ним на службу, — Филипп рванул в Серебряный Бор.

Места уже знакомые. Однако, не теряя осторожности, Филя, прежде чем проникнуть в дом уже известным ему и апробированным способом, все-таки внимательно оглядел и дом, и все остальные пристройки и помещения. Охрана, конечно, имелась, но она занималась в основном ловлей рыбы в Москве-реке и ленивым распитием пивка: урна возле сторожки, напоминавшей увеличенную в несколько раз собачью будку, была полна пустых пивных банок. Понял Филя и почему никакой охраны не было здесь в прошлый раз: вся середина дня уходила у дежурного охранника на слепополуденный кайф. Иначе говоря, либо сидел он на реке, либо крепко спал в своей будке, твердо зная, что в эти часы хозяин здесь не бывает.

И вот, дождавшись, когда сторож — бородатый дядька в поношенных камуфляжных портках и зеленой майке, — забрав удочки, удалился в сторону прибрежных камышей, Филя начал действовать.

Наученный профессиональной осторожности, он первым делом решил убедиться, в самом ли деле чист дом от всяческих «проникновений» со стороны. Если что-то здесь и могло интересовать, то в первую очередь большая гостиная и спальня, где в прошлый раз кувыркались любовнички. Кухонька была крошечная, в ней с трудом разместились бы двое человек. Да и время секретных разговоров на кухнях уже миновало.

Методично, шаг за шагом осматривая помещение и выбирая наиболее удобные точки для установки следящего устройства, Филя нашел два подходящих места: угол в гостиной, где висела на полированной подставке большая голова оленя с ветвистыми рогами, запыленная и с паутинами на кончиках отростков, — их, видать, лет сто уже не касалась рука с мокрой тряпкой и еще столько же не коснется, — и хрустальные бра в спальне. Этих, последних, было четыре штуки — по светильнику на каждую стену. Расположены были бра довольно высоко, и их хрустальные листья, свисающие на золоченых нитях, тоже были пыльными, но это обстоятельство здесь никого не беспокоило.

Филя понял фразу мадам Ангелины о том, что Кикимора не любит сюда заглядывать: верно, женской руки не чувствуется.

Бра включались последовательно от одного выключателя. Плотные ставни делали комнату совсем темной. Но в полной темноте такая дама, как Ангелина Васильевна, вряд ли будет заниматься любовью, вот и в прошлый раз здесь был рассеянный свет. Значит, расчет правильный — камера будет питаться прямо от сети.

Установить и замаскировать миниатюрное устройство было для Фили делом пяти минут. Перейдя в гостиную, он решил то же самое проделать и с головой оленя. Как и в спальне, он придвинул стол, поставил на него стул — потолочки-то о-го-го! — метра под четыре. Забрался Филя поближе к оленю и стал внимательно осматривать его. Правый глаз чучела животного был серый от пыли. Филя передвинулся к левому и... чуть не рухнул со своего сооружения! На него глядел чистенький темный глазок такой же, как у него, миниатюрной телекамеры. Ну, блин!

Филя замер. Потом неслышно слез и передвинул стол, чтобы выйти из сектора обзора. Снова поднялся и стал изучать прибор. От головы шел к сети едва заметный проводок. Но в настоящий момент камера была отключена. Филя с облегчением вздохнул.

Питалась она тоже от электросети, и включение ее производилось довольно хитроумно: для этого достаточно было в одной из комнат просто включить свет. Филя знал эту систему. Предполагал также и кто ее мог тут установить — скорее всего, Федеральная служба безопасности. Получается, не все так уж и просто!

Требовалось принять срочное решение. Ставить в другой глаз свою — можно крепко влипнуть. Подключиться к этой — еще опаснее. И Филя слез со стула, со стола и поставил мебель на свои места. В конце концов, на столе или в креслах в гостиной любовью вряд ли занимаются, для этого имеется другое, более подходящее место. А вот государственные тайны, если таковые решаются в этой гостиной, пусть они останутся на совести тех служб, которые в них и заинтересованы. Сделаем так, чтоб мухи отдельно и котлеты — тоже отдельно. И мы здесь, на рогах, не были и ничего не знаем. С тем Филипп Агеев и покинул слишком уж, оказывается, гостеприимную дачу академика Самарина...

Простое, в сущности, дело — уличить беспечных любовников. Но Денису все не давал покоя многократно упомянутый американец. Оборонка, конечно, и есть оборонка, однако академик Самарин не являлся полностью закрытой фигурой, как еще в недавнем прошлом знаменитые создатели ракетных и противоракетных систем — те же Королев, Челомей или Глушко,

как тот же президент Академии наук Мстислав Келдыш, которого разве что весьма узкий круг знал в качестве Главного Теоретика. И Денис отправил своего бородатого компьютерщика Макса пошарить в сети и собрать все, что известно о деятельности Всеволода Самарина. Хорошо бы и то, что неизвестно.

Результаты, даже первые, что называется навскидку, озадачили. Ну академик, один из самых молодых, генеральный директор объединения, хобби — теннис, причем небезуспешное участие в московских соревнованиях, значит, демонстрация своей открытости, частые выезды за границу на оружейные салоны. Однако направление его деятельности совсем не располагало к подобной открытости. Предметом его исследований были энергосиловые установки с принципиально новыми техническими характеристиками на морских и воздушных торпедах. В чем могла заключаться эта принципиальная новизна, имели представление разве что узкие специалисты. Денис себя к таковым ни при каких обстоятельствах отнести не мог. Да и не собирался. По информации Макса, к данным исследованиям прикован пристальный интерес многих иностранных фирм и научных заведений, занимающихся той же тематикой.

И в этой связи особо настораживало Дениса теперь сообщение Филиппа Агеева, обнаружившего на даче академика следящее устройство. И здесь на первый же вопрос имелось два ответа: либо имеет место научно-технический шпионаж, либо господин академик находится под довольно прочным колпаком у наших собственных спецслужб. Камера стоит не первый день, на что указывает довольно приличный слой пыли вокруг. Хотя настоящим умельцам «запылить мозги» ничего не стоит. Филя правильно сделал, что не стал ничего предпринимать в отношении этой неожиданной находки. Но сам процесс слежения за академиком, принятый по требованию его эмоционально взбалмошной супруги, мог пахнуть чем-то более серьезным, а возможно, и чрезвычайно опасным, нежели обличительные фотографии самого элементарного адюльтера.

Придя к такому выводу, Денис решил наблюдения за обоими действующими лицами не снимать, но обязательно посоветоваться на этот счет с родным дядей, начальником МУРа Вячеславом Ивановичем Грязновым. Его опыт в делах подобного рода не подлежал сомнению.

В конце рабочего дня Денис позвонил на Петровку, 38, и не вдаваясь в подробности, попросил дядю уделить ему некоторое внимание, иначе говоря, проконсультировать в связи с одной возникшей проблемой, причем довольно скользкой.

Грязнов-старший немедленно воспылал интересом: что ж это за скользкие проблемы возникли вдруг у его родной «Глории»? Но Денис ответил, что, похоже сам того не подозревая, он влез в чужую епархию. И дело, как говорится, может запахнуть керосином. Этого было достаточно. Вячеслав Иванович велел прибыть к нему домой, на Енисейскую улицу, в районе десяти вечера.

— Вот и Саня обещал нынче подъехать. Так что, племяш, не вешай носа, подгребай. О напитках можешь не беспокоиться, на этот счет твой дядька чувствует себя достаточно уверенным...

— Хорошо, буду обязательно, — улыбнулся Денис. И на всякий случай решил прихватить с собой уже «имеющиеся в наличии» материалы, как предупредил Грязнов-старший.

Вячеслав Иванович был непривычно подтянут, поскольку изображать чрезмерную усталость не имел морального права. Двухнедельный отпуск «на водах», проведенный им, похоже, небезуспешно, убрал заметную в последнее время хмурь с лица, заставил распрямить плечи и вернул знакомую всем его друзьям лукавую насмешливость.

Он с удовольствием изображал гостеприимного хозяина, раскладывал по тарелкам закуски, хотя в обычные дни терпеть не мог этого занятия. Нет, зачем же прямо на газете? Можно и в тарелки, но их ведь потом мыть... Обильная трапеза — она для ресторана, а дома можно и... Денис обещал потом лично перемыть всю посуду, чем успокоил родного дядьку.

Первоначальный ритуал был совершен с молчаливым удовольствием: Грязнов-старший, Турецкий и Денис выпили, — после чего беседа естественно перетекла к проблеме, мучающей Грязнова-младшего. И он стал рассказывать. Все с самого начала, со звонка Юры Гордеева, подсуропившего ему такую вот странную клиентку.

И пошло-поехало... Денис показал распечатку досье на академика Самарина, выданную пройдохой Максом, предъявил и фотографии главных действующих лиц, сделанные Агеевым и Щербаком из машин. Выложил на стол кассету с записью разговоров, состоявшихся в автомобиле Махмудика и на даче академика. Выдал имеющиеся уже краткие сведения о самом Махмуде Мамедове, ведущем конструкторе на «Мосдизеле», сведения о его семье — жене Раисе Гасановне, дочках. Добавил и немногие пока сведения об Ангелине Васильевне Нолиной и ее супруге Роберте Павловиче, докторе технических наук, заведующем лабораторией там же, в институте, словом, все, что было на руках.

Турецкий мельком взглянул на фото Самарина и отложил в сторону. А вот фотография Нолиной его явно заинтересовала. Он как-то странно хмыкнул и попросил Дениса описать ее более подробно.

Потом он протянул фото Грязнову и небрежно заметил:

— Взгляни, Слава, никого тебе не напоминает?

Грязнов вздернул брови да так и застыл. Затем осторожно посмотрел на Саню и многозначительно поджал губы.

— М-да... — протянул несколько растерянно. Помолчал и сказал с улыбкой: — А чего это вы там успели понаписать? Послушать-то хоть можно?

— Затем и прихватил, — ответил Денис. — Но в записи интересны лишь начало и конец, а вся середина — это сплошные восклицания. Пособие для стареющего эротомана.

Денис конфузливо хмыкнул, будто сказал о чем-то непристойном в очень приличном обществе.

— Тем не менее, — продолжал уже напряженно улыбаться Грязнов. — Ты не против, Саня?

— Против чего?

— Ну, послушать. И насладиться.

— Давай... — И, отвернувшись, сказал, словно в пустоту: — Полагаешь услышать что-то новое?

Грязнов натянуто рассмеялся и покачал головой:

— Эх, Саня, стареешь, что ли?

— Нет, просто в эротоманы уже не гоюсь.

— Не ханжи. Включай, Денис...

Всю кассету прослушали молча. От начала до конца, не делая никаких купюр. Просто пару раз Вячеслав Иванович наполнял рюмки, и они выпивали так же молча, не чокаясь. Наконец лента зашелестела и остановилась.

— Ну что ж, теперь можно и обсудить, — решительно сказал Александр Борисович. — Здесь исключительно свои, поэтому и вещи будем называть своими именами. Вот послушай, Денис, что нам расскажет твой дядька. Только уж ты поподробнее, Слава.

Закончив свой недлинный, но абсолютно честный рассказ, Грязнов закурил и заметил, что все это, конечно, чепуха на постном масле, но у продолжения могут возникнуть самые непредсказуемые последствия. И дело здесь, конечно, ни в какой не эротике, а, как, вероятно, очень правильно и своевременно сказал Денис самому себе, в неизвестном пока американце. И, как опять-таки правильно подметил Денис, делать здесь «Глории» абсолютно нечего. А потому, по его мнению, самое приемлемое и разумное в данной ситуации — это сушить весла. Или, другими словами, как на то указывает практика: что главное в профессии жулика? Вовремя смыться. Но, возможно, у Александра имеются иные соображения?

Турецкий солидно заявил, что это дело, как говаривала в таких случаях покойная Шуручка Романова, бывшая грязновская начальница, земля ей пухом, трэба разжуваты.

А это означало, что он понимает информацию не так однозначно, как его друг Вячеслав, и здесь трех умных голов явно маловато.

— Ты понимаешь, о ком я подумал? — Он посмотрел на Грязнова-старшего.

— А то! — Вячеслав Иванович помолчал и спросил: — Владьку, что ли?

— Кого ж еще, — Турецкий кивнул. — Но это уже совсем другие игры. И, я полагаю, совсем не для Дениса с его архаровцами.

Они оба вспомнили о Владлене Богаткине, полковнике ФСБ, с которым год с небольшим назад раскручивали дело об убийстве американского консула в московской гостинице «Мегаполис» [См. роман Ф. Незнанского «Ищите женщину» (М., 1999)]. Некоторые детали, прозвучавшие в магнитофонной записи, подсказывали, что информация Дениса может представить достаточно серьезный интерес для контрразведчика. Штаты были как раз в его профиле.

— Но торопиться тем не менее я бы не стал, — задумчиво заметил Вячеслав Иванович. — Да и Владлен может еще подождать. Тем более что наши подозрения тоже могут оказаться безосновательными. Бизнесом занимаются все, а кто американец — мы не знаем. А вот за Махмудом, вероятно, придется походить. Не нравится он мне.

— «Не нравится» — это, Слава, совсем из другой оперы, — возразил Турецкий. — Ребятам платят за вскрытие факта адюльтера, а не за шпионские страсти, которых, я согласен с тобой, может вовсе и не оказаться. Хотя оленья башка настойчиво указывает на обратное. Значит, что же? Ни в коем случае не суйтесь под камеру в гостиной. Ну а койка — другой компот. Хотя никто нынче не возьмется утверждать с уверенностью, в каком месте решаются главные дела. Верно, Вячеслав? Вот так, ребята... А вы говорите — пустышка! Не знаю, не знаю...

Глава четвертая БЕСПОКОЙНЫЕ КЛИЕНТЫ

Ангелина Васильевна Нолина нередко мысленно сравнивала себя с Екатериной Великой. Не всерьез — в шутку, конечно. Видя при этом свои значительные перед императрицей преимущества. Во-первых, даже в лучшие свои годы Екатерина не была так хороша и желанна, как Лина вот уже на протяжении добрых полутора десятков лет. А сейчас ей тридцать два, кровь с молоком! А стать, а фигура... А кожа! Да не найдется такого мужика, который равнодушно отвел бы глаза, когда Лина являла перед ним свои великолепные достоинства!

А если говорить во-вторых, то Лина никогда не претендовала на звание первой женщины государства и, в отличие от императрицы, не содержала фаворитов, довольствуясь самими удовольствиями.

Но, успев изучить мужскую сущность, в основе которой лежат эгоизм и самолюбие самца, а потому сколько ни дай, все мало, она научилась из разнообразных собственных умений извлекать пользу для себя. Интуитивно угадывала тот момент, когда мужчина не только не возражает, а, напротив, наперед соглашается на любые условия, даже, казалось бы, невозможные. Затем следовали предложение, сильно подкрепленное эмоционально, и — немедленное согласие. Естество оказывалось мощнее и давило любые доводы разума в самом зародыше. А потом? Потом было уже поздно, потом любовник желал продолжения, самонадеянно считая, что полностью подчинил потрясающую партнершу своей воле. В этом-то и крылась главная ошибка если не абсолютно всех мужиков, разделивших ложе Ангелины, то подавляющего большинства из них.

Предлагая Махмуду предварительно обработать Ивана Григорьевича Козлова, капитана третьего ранга и военпреда на «Мосдизеле», Лина уже наперед знала, что увести с пути истинного этого молчаливого и суховатого в общении морячка ей все-таки придется самой. По мнению тех, кто работал с Иваном в тесном контакте, был он человеком жестким, неуступчивым и, вероятно, поэтому — одиноким. Убежденный холостяк в сорок лет — это достойная задача. Влюблять его в себя — это было бы, пожалуй, слишком, но без сильного чувства он вряд ли согласился бы на сделку.

И последнее, может быть, самое главное. Ангелина не располагала длительным временем на осаду неприступной крепости.

Вопрос необходимо было решить в течение двух-трех ближайших дней. Почему? Об этом знали лишь двое — Самарин и Лина. Ну трое, еще и американец. От него, собственно, все и исходило.

Самарину, как директору института, было известно, что в течение месяца будут назначены испытания новой модификации торпеды. Об этом Всеволода Мстиславовича поставили в известность представители штаба Военно-морских сил России. Командование наметило военно-морские учения на Северном флоте, а чтобы не привлекать ненужного постороннего внимания к испытаниям торпеды, предложило и провести их во время этих учений.

Ничего в мире нет такого тайного, что не стало бы немедленно явным, если в нем кровно заинтересована противная сторона. О намечающихся учениях было известно в определенных кругах Соединенных Штатов. И ЦРУ, и британская военно-морская разведка не собирались упускать случая и предполагали свое тайное присутствие в Заполярье, поскольку крупные морские учения в России в последние годы стали проводиться очень редко ввиду отсутствия финансирования со стороны правительства.

Но это бы все — ладно, никуда от незваных гостей не денешься. Сложности, как понимал академик Самарин и чем он делился, естественно, с Линой, доверяя ей как самому себе, заключались в том — и на это особенно упирал Эрнст Дроуди, — что данная торпеда, вокруг

которой скрестились интересы и российских военных, и американских покупателей, не должна была участвовать именно в этих, конкретных учениях. А вот если они повторятся в том или ином виде через несколько месяцев, через полгода — никаких возражений. Ну правильно, у бизнеса свои законы, там иной раз даже часы, а не дни играют важнейшую роль.

Огромные, в сущности, деньги, которые рассчитывал Самарин получить от господина Дроуди, стоили, по мнению академика, того, чтобы хорошо подумать, как объединить государственные интересы со своими собственными. И такой план у него имелся. Но он мог быть приведен в действие лишь при наличии полного согласия самих испытателей. А таковых было двое — военпред института и ведущий конструктор.

Приказать им, попросить либо воздействовать каким-то иным способом Самарин не мог, да и не рискнул бы никогда. Значит, тяжкий груз уговоров в прямом смысле должен был лечь на Лину. В том, что она способна справиться с этой нелегкой задачей, академик не сомневался. Он не был ни близоруким, ни влюбленным, сам с большим удовольствием пользовался услугами Ангелины, полагая их полезными и для здоровья, и для дела. В принципе отлично знал ей цену и не обольщался такими химерами, как верность или бескорыстие. Все имело свое обозначение в исторической, истинно российской строке: «Сумма прописью», менялось всякий раз лишь количество нулей. И Лина не была здесь исключением.

Молодец, отлично обработала американца, причем никакой ревности к способам обработки Всеволод Мстиславович не испытывал. Дроуди вел свою игру и был уверен, что является банкирующим. Самарин не собирался разубеждать американца и предьявлять свои козыри. Иначе зачем демонстрировать собственное детище на различных мировых салонах? Зачем было в нужный момент умалчивать о некоторых деталях, делая многозначительные паузы, рассчитанные на возбуждение у слушателей особого интереса? Да, жизнь — это большая игра. Оценивая достаточно прозаически свой реальный вклад в развитие обороноспособности страны и ту отдачу, которую он имеет со стороны властей, Всеволод Мстиславович все больше убеждался, что работает скорее за риторическую зарплату, ибо меркантильное отношение к твоему труду наверху не поощрялось ни прежде, ни, чего греха таить, теперь.

Сравнивая свой быт с тем, что ему доводилось видеть у зарубежных коллег, Самарин в конце концов пришел к твердому для себя выводу, зафиксированному в старинной русской поговорке: человек — сам творец своего счастья. И, добавлял Всеволод Мстиславович, всего того, что это счастье обеспечивает. Не надо быть ханжой, но и совсем не следует изображать осла, которого другие используют в качестве удобного транспортного средства.

И он кинул в бой Ангелину, недвусмысленно намекнув ей при этом, что они двое — он и она — живут по своим правилам, по которым не существует вещей и поступков, недоступных конкретной материальной оценке. На все имеется свой процент, дорогая. Даже на удовольствия...

Махмуд Мамедов встретился в институте с Козловым и, отозвав военпреда в сторонку, сообщил, что надо бы поговорить. Тема известна — ближайшие испытания. И тут появились некоторые тонкости. Не для всеобщей информации.

Козлов знал Мамедова как толкового инженера, профилем которого было собственно вооружение торпеды. Знал он и что во время испытаний, в которых участвуют подводные и надводные суда, авиация, боеголовки с испытуемых изделий обычно снимаются и заменяются имитирующими устройствами. Он полагал, что и во время намеченных в Министерстве обороны и Главном штабе ВМС учений в Баренцевом море предметом испытаний будет энерго-силовая установка УГСТ. Обозначат цель, которая должна быть условно поражена. Так что практически ничего нового не предвидится, не первый раз и не первый год. И постоянно напарником Ивана Григорьевича выступал Махмуд Мамедов. Так что за секрет?

Мамедов предложил вечером встретиться и поужинать в ресторане «Волга», что в Северном речном порту. Козлов согласился, хотя и выказал удивление, откуда у Махмуда деньги — по ресторанам-то прохладиться? Но тот лишь рассмеялся, добавив, что и это объяснит. Вот как раз и случай представится. Козлов неопределенно пожал плечами: он знал, что у Махмуда большая семья, что живет он в тесноте, мечтая заработать когда-нибудь на большую квартиру, в которой у каждого члена семьи будет своя отдельная комната. И до этой мечты ой как далеко! Но поскольку дагестанец проявляет такое гостеприимство, грех ему отказывать, на Кавказе на такие вещи смотрят весьма своеобразно.

Козлов жил в Коптеве, на Большой Академической улице, в двух шагах от кинотеатра «Байкал», если ехать из Химок, то практически по трассе. Поэтому он предложил свой, встречный вариант: не тратить лишние, и наверняка большие, деньги в ресторане, а лучше взять с собой выпивки и закуски и завалиться к нему домой. Мешать никто не будет, пустая двухкомнатная квартира. Зато можно выпить без опасения, что тебя потом будет отлавливать дорожно-патрульная служба. А так-то чего зря сидеть по кабакам? Даже рюмки толком не принять...

Здесь был определенный плюс: оба на машинах, просто сесть и поесть — какой смысл? А постоянное одиночество приучило моряка, сделало пока еще приятной привычкой возможность вечером постоянно расслабляться за рюмочкой. Немного, но... регулярно. Тот случай, как в известной байке, когда человек начинает всякую пищу именовать закуской. Нет, конечно, не был Козлов пьяницей, не говоря уж об алкоголизме, но... позволял себе. Отсюда и некоторая замкнутость, как он объяснял себе собственный характер, и нарочитая сухость в отношениях с коллегами, которые уже после трех рюмок готовы лезть со своим «ты меня уважаешь?» и слезными исповедями, какие у них жены — дуры. С Махмудом Ивану уже доводилось встречаться в застолье, и симпатичный, умный дагестанец не вызывал у Козлова антипатии. В самом деле, почему бы не пригласить товарища к себе? Нарушить обычай по возможности не зазывать гостей, от которых потом бывает так трудно избавиться. О женщинах, разумеется, речи не было, Иван совсем не выглядел человеком, избегающим женского общества, напротив, он охотно заводил легкие и необременяющие связи, которые сразу же и резко обрывал, если видел, что охочая до наслаждений партнерша вдруг начинает что-то прикидывать скудным своим умишком.

Ну, словом, договорились встретиться в конце рабочего дня на служебной автостоянке и отправиться на точку, чтобы маленько погудеть, душу отвести, благо уже пятница, сам Бог, как говорится, велел.

Однако, когда Иван Григорьевич вышел на стоянку и направился к своей старенькой, но вполне заслуженной «мазде» ярко-красного цвета, словно у пожарного, он увидел на другом конце территории Махмуда, открывшего капот у своей «семерки», а рядом с ним красавицу Анжелину, которую в институте называли в шутку правой рукой академика. Всерьез-то называли по-другому, но Иван вообще терпеть не мог любых сплетен, а если они касались красивых женщин, тем более.

Ангелина Васильевна откровенно и безнадежно нравилась Козлову. Крупная, сильная женщина, с царственной походкой, независимыми суждениями, которые иной раз вполне могли вызвать смущение у лиц мужского пола, слишком конкретно представляющих себе роль и место женщины в семейной и общественной жизни. Сам же Иван Григорьевич, может быть, слишком трезво оценивал свои собственные достоинства, свою внешность и финансовые возможности, чтобы надеяться в данном случае на какую-либо приятельскую взаимность, не говоря уже о чем-то большем. Мелким он себе казался, когда мысленно становился рядом с Анжелиной, или попросту Линой, как звали ее близкие ей люди. Он же о такой фамильярности мог разве что мечтать...

Чтобы уточнить последовательность действий, решил подойти к ним поближе. Но Махмуд уже захлопнул капот и махнул Козлову рукой, подзывая к себе. Он подошел, кивком поздоровался. Неожиданно бес толкнул под ребро:

— А вы еще больше похорошели, Ангелина Васильевна, — сказал приветливо. — Просто ослепительны! — и прикрыл глаза ладонью, словно от яркого солнца.

Она засмеялась.

— А вы хитрец, Иван Григорьевич! Знаете, как подольстится к женщине! Ох, опасный человек! — И вдруг спросила таинственным шепотом: — А у вас с Махмудом заговор?

— Почему? — не понял Козлов.

— А я попросила его подкинуть меня до метро или высадить где-нибудь в центре, а он говорит: только до «Войковской». У нас, говорит, с Иваном одно важное мероприятие. Так это с вами, значит? Я сразу-то не поняла.

— Да ну какое мероприятие... — засмутился Козлов. — Просто хотели заскочить ко мне, ну по рюмочке дернуть. Вот и все дела...

— Господи, как здорово! — почти по-девчоночьи взвизгнула она. — Ой, мальчики, а мне можно с вами? Я тоже хочу дернуть!

И обращение «мальчики», и сама просьба почему-то безумно умилили Козлова, он видел, как буквально светилось радостью лицо женщины, и ему казалось, что это он причина ее неожиданной радости. Но тут же возникло сомнение: как ее приглашать-то в свое, прямо надо сказать, малоухоженное жилье? Нет, порядок у него дома был флотский — чистота, все на своих законных местах, ничего лишнего. Но именно этот аскетизм вряд ли произвел бы на такую женщину благоприятное впечатление. Ни хрусталей там, ни тебе сервизов, обычные дешевые стеклянные рюмки, общепитовские тарелки, алюминиевые, списанные в свое время из институтской столовой, ложки-ножи-вилки. Как это ей все покажется? А уж о мебели даже и вспоминать не хочется. Старый — от родителей — диван, обычный раздвижной стол и стулья. Ну шкаф еще. И телевизор на тумбочке. С видиком и всяческими прибабасами. Вот аппаратура была хорошая, слабость к ней испытывал военпред. И все, пожалуй.

Но пока он раздумывал, вопрос решился уже без его участия. Ангелина стала обсуждать с Махмудом, в какой магазин надо будет заехать и что купить. Причем назывались какие-то продукты и напитки, о которых он отродясь не слышал.

— Погодите, друзья, — несколько обескураженно прервал он разгоревшуюся дискуссию, — вы чего, свадьбу, что ли, собираетесь праздновать?

— Почему свадьба? — запнулась Ангелина.

— Так ведь это уже не по рюмочке получается! А на пир горой, извините, я как-то... не рассчитывал.

— Ни фига! — решительно заявила Ангелина. — Гулять так гулять! И вскладчину! Я просто требую, чтоб меня приняли на равных! Ох и оторвусь сегодня!

— А... дом? — осторожно спросил Козлов.

Она удивленно посмотрела ему в глаза и едва заметно подмигнула. И тут же капризно отмахнулась:

— Потом расскажу... Значит, действуем так! Можно я буду командовать?

Веселость Махмуда куда-то испарилась, словно он был недоволен присутствием Ангелины, ее настырным желанием поучаствовать в сугубо мужском мероприятии. Однако, почему так случилось, Козлов понять не мог и уж своей в том вины никак не чувствовал. А посидеть за столом с этой женщиной, может, даже и поближе сойтись — какой же идиот откажется?! И она вон вся так и играет, ох, до чего же хороша, зараза...

И когда она изъявила желание ехать не с Махмудом, а в машине Козлова, Мамедов совсем поскущел. Вдруг вспомнил, что обещал своей Раисе-ханум приехать домой пораньше, позаниматься с дочками. У него явно испортилось настроение. И это было странно Козлову, поскольку

инициатором посиделок был, в общем-то, именно Махмуд. Никто ж его за язык не тянул! Или здесь виновата Ангелина? Эти кавказские мужики ведь бешено ревнивы. Может, он глаз на нее положил, а тут такая ситуация? Да черт их всех знает! Уже и сам почти разозлился Козлов.

— Между прочим, — сухо сказал он Мамедову, — это было твое предложение. Передумал — твои дела, я не настаиваю. Ладно, я пошел.

И он повернулся, чтобы идти к своей машине, но его остановило прямо-таки отчаянное восклицание Ангелины:

— Ну, ребята! Ну что вы в конце концов?! Иван Григорьевич! Махмуд! Мальчишки, кончайте дурака валять! Ну давайте посидим часок, а там и разбежимся! Ну хорошо, Махмуд, давай я с тобой поеду. Только вы не ссорьтесь.

— Да мы и не ссорились... — пробурчал Козлов, направляясь к своей машине и уже сердясь по-настоящему по поводу навязанного ему его же гостеприимства.

Иван ехал впереди, чтобы потом показать дорогу, и наблюдал за машиной Мамедова в обзорное зеркальце. Там, похоже, шел бурный разговор или что-то похожее на горячее объяснение. Во всяком случае, Махмуд ожесточенно размахивал руками, жестикулировал, бросая при этом руль, и машина рыскала. Так недолго и до беды.

И когда выходили из очередного магазина, куда непременно хотела заглянуть Ангелина, чтобы купить очередную мудреную закуску, Иван сказал:

— А вы бы все-таки как-нибудь поосторожнее. Движение плотное, зачем неприятности?

Махмуд лишь молча кивнул, соглашаясь, а Ангелина, уловив момент, когда Мамедова рядом не оказалось, шепнула словно другу-заговорщику:

— Совсем дурак ненормальный, ревнивый как черт!

— Значит, есть причины?

— Потом расскажу, — небрежно отмахнулась она.

Опять это «потом». Не много ли для первого знакомства? К Козлову было готово закраснеть подозрение, что тут не все так элементарно, как представлялось поначалу. Неужели и он кому-то понадобился? Осторожно, Ваня, сказал он сам себе. Красивые бабы просто так в гости не напрашиваются...

Нехорошие клиенты достались сыщикам, много хлопот доставляли. И ко всему прочему они еще ухитрились размножаться — не в прямом, разумеется, а в переносном смысле.

Ну то, что Мамедов залез в сферу интересов сыщиков «Глории», поскольку явился контактером мадам, подозреваемой в совращении академика, так это он сам и виноват: меньше болтать следовало и разыгрывать из себя ревнивого любовника. Удовольствовался бы малым — постельными утехами — и на тебя никто не обратил бы внимания. А ты — ишь куда загнул. Чуть ли не шпионажем запахло.

Ну ладно, в общем, портрет Мамедова был примерно ясен. Но теперь появился новый фигурант. Ему прочили какую-то важную роль, судя по желанию мадам заполучить его в близкие знакомцы. Контакт состоялся, тому был свидетелем неугомонный Филипп Агеев, наблюдавший за автомобилем клиента. К сожалению, послушать, о чем беседовали двое мужчин и женщина, не удалось, не готов был Филя к такому обороту. Но, увидев, что дама удалилась все с тем же Мамедовым, а отправились они, как скоро выяснилось, к новому фигуранту в Коптево, Филя решил, что сегодня наблюдение за Самариним, пожалуй, можно снять. Ибо, по его твердому убеждению, блудливая дамочка наверняка будет сегодня задействована по другому адресу. И он едва не ошибся.

Оставшийся на стоянке Коля Щербак без огромного труда выяснил у охранника, кому принадлежала ярко-красная «мазда». Хозяин оказался военпредом на «Мосдизеле», мужиком скуповатым и малоразговорчивым. Он не представлял живого интереса для охранников.

А между тем со стоянки выкатил и подался к подъезду темно-синий автомобиль господина директора. Озабоченный Самарин почти запрыгнул на заднее сиденье, и машина рванула с такой скоростью, будто истомившийся любовник опаздывал на свидание. Николай едва успел сесть на хвост.

«Вольво» академика привычно свернул на улицу Алабяна, видно, маршрут был уже давно наезжен, и помчался напрямик в Серебряный Бор. Самарин торопился на дачу. Было бы очень заманчиво неожиданно обнаружить там и Ангелину, дожидаться нужного момента, сделать видеозапись и — работа, считай, закончена. Мадам, гоните бабки! Людмила Николаевна, разумеется. Хотя как еще посмотреть! Не исключено, что та же Ангелина за подобное «кино» заплатила бы вдвое больше. Щербак недовольно поморщился, понимая, что его занесло не туда. Шантаж в «Глории» был неприемлем. У сыскаря, известно, не так уж и много принципов, но те, что он имеет, старается не нарушать.

А с другой стороны, продолжал точить червь сомнения, это еще как посмотреть! Ведь если предметом ловли являются несправедливые поступки, за которые фигуранты несут наказание, то почему же абсолютно чистыми должны быть сами приемы слежки и оплата за них? Может, как раз все наоборот? Поймали любовничков. Объяснили им ситуацию. Рассказали, сколько они стоят в денежном исчислении. Наконец, предложили, за определенную сумму, в дальнейшем не грешить. Разошлись миром. В результате и семьи целы, и бабки звенят...

Но почему бабки должны звенеть? Да это же мобильник! Совсем задумался Щербак, забыл, где находится.

Филипп сообщил, что машины с клиентами прибыли на точку, разгрузились и отправились в квартиру — третий этаж, номер двадцать семь, двухкомнатная, окна выходят к подъезду. Свет зажжен, хотя светло, врубили музыку. Судя по количеству пакетов, вынутых из багажников, посиделки могут быть долгими.

Николай в ответ передал свое сообщение и отключился.

Между тем машина академика въехала в открытые сторожем ворота дачи, после чего ворота были со скрипом закрыты и заперты.

Щербак, в девяносто девятой «Ладе» которого было смонтировано записывающее устройство, находился в некотором раздумье. Если начинать записывать, то что? Или, может быть, на даче академика уже кто-то давно поджидает? Но какое отношение его служебная или частная жизнь имеет к данному заданию, если в ней не фигурирует Ангелина?

Словом, пока он раздумывал, сам академик неожиданно появился из калитки дачи, хотя он сменил одежду и стал походить на местного обывателя, да хоть того же сторожа. Николай узнал его: тут и походка, и манера «держат спину», и многое другое, что отличает внешность каждого человека. Щербак выбрался из своей машины, припаркованной у поворота к реке, в стороне от самаринских ворот, и неторопливо пошел за академиком. Мало ли, вышел человек прогуляться перед сном! Хотя до темноты было еще довольно далеко: вон, уже девятый час, а солнце даже еще и не садилось за Троице-Лыковский храм Успения Пресвятой Богородицы.

Асфальтированная дорожка петляла между сосен и густого кустарника по обеим ее сторонам. Академик шел неторопливым прогулочным шагом. Навстречу попадались парочки, пожилые женщины с сумками, носились стайки мальчишек, что было удобно в смысле маскировки. Но вот впереди появился вышедший из переулка высокий и стройный мужчина с седым ежиком волос, очень контрастно смотревшимся вместе с загоревшим, почти коричневым лицом.

Они встретились, остановились, даже сошли с тропинки, пропуская прохожего, а затем так же неторопливо пошли в ту сторону, откуда появился седой.

Камера была при себе, и Николай быстро приспособился для съемки. Так, на всякий случай. Определенной цели он еще не имел. Просто новое лицо показалось очень уж необычным, что ли.

Собеседники вдруг повернули и отправились обратно. Лучше и придумать было нельзя. Щербак зашел за кусты, присел и, когда в просвете между ветками появились мужчины, начал снимать.

Они дошли до нового поворота и отправились обратно. Вероятно, эта асфальтовая дорожка служила им чем-то вроде променада. Народу относительно немного, погода отличная, вечерок теплый — отчего бы не прогуляться за хорошей беседой...

Но когда они снова проходили мимо Щербака, Николай услышал, что разговаривали они по-английски. Мать моя! И захочешь узнать, о чем речь, так не поймешь. Николай вспомнил: Филя говорил, что здесь полно иностранцев — посольские дачи, на которых дипломатическая публика проводит свои уикенды. Так вот, значит, куда так торопился наш академик, директор секретного оборонного объекта? Ну блин, куда не плюнь — сплошные шпионы! И куда ФСБ-то смотрит?! Тут не подсматривать бы им через какой-нибудь олений глаз, а в открытую глядеть, причем в оба!..

В любом случае Николай был доволен собой: съемка должна была получиться хорошо — и освещение, и точка обзора — все соответствовало.

Дождавшись, когда собеседники наконец расстались, Щербак решил в первую очередь проводить иностранца — это же было и ему теперь понятно. Иначе чего бы академику извясняться на неродном? Седой дошел до конца улицы, и там навстречу ему выехал автомобиль. Седой сел рядом с водителем и уехал.

Щербак быстро вернулся к даче Самарина. И в самый момент, едва не упустил. Как раз из ворот выезжал «вольво», а свет на даче — успел заметить сквозь открытые еще ворота Николай — не горел. Значит, хозяин покинул свою дачу. А приезжал он сюда лишь ради встречи с этим седым. И даже переоделся в домашнее. Зачем? Что он этим хотел сказать? Или доказать кому-то? Одни вопросы. Но сам Щербак и не собирался ломать голову, чтобы ответить на них. Он фиксировал и запоминал, а анализирует пусть Денис Андреевич. У него это получается гораздо лучше...

Следуя за «вольво» — мало ли что еще взбредет в умную голову академика, — Николай сообщил о проделанном Агееву, который в их связке был как бы старшим, хотя выполняли они одинаковую работу. Филя одобрил действия и сказал, что сам, возможно, будет ночевать в Коптеве, поскольку мадам не видно. И предложил Николаю, если академик сегодня больше никаких коников выкидывать не будет, подгрести в Коптево, к кинотеатру «Байкал», где они и обсудят дальнейшие свои планы.

Академик больше ничего в этот вечер не хотел. Он приехал к себе домой на улицу Вавилова, вышел из машины — снова успел переодеться, ну и фрукт! зачем? — и что-то долго объяснял водителю, как будто не мог этого сделать раньше, еще в машине. После этого он быстро ушел в подъезд, а машина развернулась и уехала. Видимо, в гараж.

Николай еще подождал: не захочет ли вдруг академик куда-нибудь неожиданно рвануть по темноте. Нет, не захотел. И Щербак поехал в Коптево...

Глава пятая НОЧИ БЕЗУМНЫЕ...

— Как у тебя мило! — впервые назвав его на «ты», заметила Ангелина, оглядывая «двухкомнатную пустоту»: так называл свое жилье Козлов. — Тут кое-чего не хватает, но это дело наживное, — успокоила следом. — А где будем отрываться?

— А где хотите, — улыбался Козлов, снова пораженный какими-то непонятными, возбуждающими флюидами, которые прямо-таки исторгала на него эта невероятная женщина. Непонятно, как с ней себя вести...

Сервировкой особо заниматься не стали, просто выложили все купленное на большой поднос из Жостова, который висел в качестве украшения в прихожей, и тем ограничились. Ангелина с Махмудом пили какой-то дорогой коньяк, купленный ею, а Иван предпочитал традиционную отечественную.

Выпили за то, чтоб на «ты», потом за «Лину», потому что Ангелина — это слишком долго и официально. Заодно и за «Ваню». А с Махмудом она уже давно была на «ты». Значит, исключение теперь было сделано и для Козлова.

Говорили обо всяких пустяках: о жарком лете, об отдыхе, о Кисловодске, где была недавно Лина, потом о Пятигорске, куда проездом заскакивал Махмуд, о Нальчике, где трудились их партнеры. Разговор легко перекинулся на Америку, откуда недавно вернулась Лина. Как это всегда бывает, когда за столом собираются люди, занимающиеся одним делом, в котором нет секретов друг от друга, перекинулись на собственные исследования, на новую модификацию УГСТ, из-за которой возникала масса слухов — и здесь, и в Штатах, на международном семинаре, посвященном энергосиловым установкам, хотя в принципе никакого нового слова в науке не просматривалось, а все дело в обыкновенной нашей, отечественной заикленности на госсекретах, на вечной боязни, как бы враги чего-нибудь не сперли, не унесли невзначай. Раньше подобных тем избегали, а теперь, когда модели новейших систем вооружения с успехом демонстрируются по всему белому свету, продаются той же Индии или Арабскому Востоку, причем за огромные деньги, которые чаще всего не попадают туда, куда им положено попадать, то есть в госбюджет или на предприятия, эти системы производящие, — теперь-то чего стесняться? Надо думать, искать новые формы сотрудничества с заинтересованными организациями и даже государствами. Минобороны, похоже, наплевать на собственную науку, отечество никак не выберется из финансовой дыры, и какие же теперь могут быть перспективы? Риторические вопросы находили довольно легко вполне разумные ответы. Но к ним никто не желал прислушиваться, заслоняясь все той же пресловутой гостайной.

Вот, кстати, последний пример. Разгоряченная коньяком, Лина была просто прекрасна в своем справедливом возмущении российскими ретроградами. Да хоть и та же УГСТ! Что в ней особо секретного? Ну принцип. Ну отдельные узлы. А в общем — раз-два и обчелся. Но когда принцип ЭСУ — энергосиловой установки — становится более-менее известен — не в аквариуме же ученые трудятся! — создать аналог не так уж и трудно. А узлы, детали — это именно детали, и не больше. Загляни в соответствующий сайт Интернета, где идет речь о торпедах, и все твои секреты окажутся пустышкой. Но есть другой вопрос: дальнейшие научные разработки требуют порой просто гигантских средств, которых родное государство не имеет и предвидеть не может в ближайшей перспективе. А жить надо! И работать! Так каков же выход? А выход в принципе есть... Но это уже другой вопрос... Действительно, не для застолья. К слову, то, о чем говорила Лина, — это не только ее личная точка зрения, а результат длительных размышлений и доверительных разговоров с ней академика Самарина. Уж кому-кому, а ему-то можно верить...

И снова возвращались к пустякам, институтским сплетням, к вечной проблеме организации отдыха в выходные дни. Не настолько ведь бедны, чтобы, к примеру, не снять теплоход — покататься по каналу, накупаться вдоволь, шашлычки на природе организовать... да хоть и в ближайšie выходные!

Но вспомнили, что наверху уже намечены важные мероприятия на Севере, связанные опять-таки с новой торпедой. Но это же ненадолго? Ну вот, по возвращении и организовать!..

Планы, планы...

Махмуд словно опомнился, поднялся и отправился в коридор звонить домой. Лина вольготно раскинулась на диване, и ее свободная поза указывала определенно на то, что ей здесь очень нравится и никуда она не торопится. Вопросительный взгляд Ивана она расценила по-своему. Пока Махмуд что-то доказывал на своем родном языке, Лина, будто жалуясь на свою нелегкую судьбу, доверительно склонилась к хозяину квартиры, так что невольно явила ему щедрые свои прелести, напрягшиеся за вырезом открытого платья, и покаялась.

Оказалось, у ее мужа имеется прежняя семья. А сегодня у его сына день рождения, Лина контактов с первой супругой мужа не поддерживает, но видит, как его иногда просто магнитом тянет туда: ну да, дети, прошлое... Она не возражает, хотя на душе бывает тоскливо. Вот как сейчас. И одиноко.

Козлов встречался с профессором Нолиным — желчным и старомодным ученым, которых прежде иной раз называли книжными червями, и всякий раз удивлялся: что могло связывать эту пару? Ну ничего общего. Разве что достаток! Ему — за шестьдесят, она — вдвое моложе. Слухов о ее любовных связях, хотя работает она в институте, кажется, не больше двух лет, уже предостаточно. Но о ком не говорят? А что делать женщине, особенно если она прекрасна, если уже сам внешний вид ее вызывает закономерное волнение среди мужиков и если она ко всему прочему не против пококотничать? И вот сейчас Ивану было искренне жаль ее, и когда бы она только захотела, знак бы подала, он ринулся бы немедленно ее защищать. И утешать. Но знака не было. А в коридоре, кажется, уже заканчивал свой длинный и страстный монолог по телефону жгуче-черный, этакий «парикмахерский» красавец, который и подбил на эти посиделки, но так и не объяснил, о чем хотел поговорить с Иваном. Забыл уже, наверное. Значит, не так и важно. В понедельник вспомнит.

Вернувшийся Махмуд качал головой, демонстрируя, что ему пришлось пережить от этой несносной женщины, матери его любимых дочерей. Сплошные подозрения! Ты конечно же с женщиной! Это я? И он выпуклыми темными глазами выразительно смотрел на Лину, словно призывая ее немедленно дать резкий отпор всяким инсинуациям. Но Лина только посмеивалась.

Он сказал, что на машине не поедет, лучше заберет ее завтра. Если, конечно, Иван не станет возражать. Козлов не возражал, он улыбался, а в душе у него что-то томительно ныло.

Махмуд предложил Лине проводить ее. Он хотел взять такси и по дороге забросить ее на Кутузовский. Сам Махмуд жил на противоположном конце Москвы — в Измайлове. Лина, смеясь, отказалась. Во-первых, она никуда не торопится, а хозяин не выгоняет...

— Ведь не гонишь, Ваня? — наивно спросила она.

— Напротив! — расправил плечи моряк.

— Ну вот, а когда я надоем, ты посадишь меня в такси?

— На руках донесу, если скажешь! — изобразил из себя гиганта Козлов, поднимаясь. — А такси у нас здесь сколько угодно. Проблем нет.

— Ну вот видишь, Махмудик, — словно мурлыкнула Лина, — за меня можешь не беспокоиться. А свои красивые глаза побереги, а то Раиса тебе их выцарапает!.. Ну давайте, мальчишки, на дорожку! Чтoб ты, Махмуд, добрался в добром здравии.

Провожая Мамедова, Козлов спросил, уже в дверях:

— Ты же хотел о чем-то поговорить? Или я не понял?

— Я? — Махмуд будто растерялся, но вспомнил. — Ах да... ну конечно, а! — Он отчаянно махнул рукой. — Потом! — Его качнуло.

Вот и этот тоже — потом...

Лина все так же возлежала на диване. Когда он вошел, посмотрела на него из-под закинутой на спинку руки и вдруг сказала:

— Не бери в голову... — И после паузы: — Я могу принять душ? Жарко что-то становится.

Он молча проводил ее в ванную, показал свой купальный халат, принес большое банное полотенце и, вернувшись в комнату, хлопнул полстакана водки, закусив долькой лимона...

Она вышла в халате, с мокрым сияющим лицом. Вскинула руки к голове, взъерошила свои распущенные по плечам волосы и спросила с улыбкой:

— А этот твой диван небось скрипит, как сумасшедший?

— Ох! — ответил он.

— Какая прелесть! — воскликнула она и положила руки на его плечи. Пояс был не завязан, и халат распахнулся сам...

Встретились уже в темноте. Филя сказал, что поднимался на площадку, послушал. А слышимость в доме нормальная — в нужной квартире играла музыка, фон наверняка создавала. Ну и что там сегодня? Судя по мертвой хватке мадам, группен-секс? Или идет обработка «Ванечки»? Оставалось только гадать. Ну да, гадать да догонять — вот и вся работа. Филя нагло припарковался почти у подъезда. А Николай поставил свою «девяносто девятую» за углом дома. В ней и перекусили бутербродами, запили ужин минералкой, после чего заняли удобное место для наблюдения — напротив окон, на лавочке возле детской песочницы.

Наконец под освещенным козырьком подъезда появился Мамедов — Филя сразу указал на него. Он был один. Ангелина осталась наверху, Мамедов был явно нетрезв, его даже покачивало. И закуривал он не совсем ловко: кончик сигареты никак не хотел попадать в огонек зажигалки, и та постоянно гасла.

Потом он подошел к своей «семерке», «вякнул» сигналом и открыл дверцу. Забравшись в машину, стал что-то искать в бардачке, потом выбрался, запер дверь с помощью сигнализатора и, отойдя в сторону, устался на окна квартиры Ивана Козлова. Ему сильно не нравилось то, что там, вероятно, происходило. Он стоял, куря и засунув руки в карманы брюк, покачивался и бормотал неразборчиво. Затем вдруг резко и зло выплюнул сигарету, развернулся и пошел прочь от машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.